

Я ДУМАЛ,
ТЫ
СТАНЕШЬ
КЕМ-ТО

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

18+

Алексей Корнелюк

Я думал, ты станешь кем-то

<https://litres.ru/74075503>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он не хотел стать великим. Он просто боялся остаться обычным.

Сергей Лисицын почти сорок лет жил нормально. Работа, семья, ипотека, дочь, старая машина, редкие встречи с друзьями, усталость по утрам и привычка отвечать всё нормально, даже когда внутри скребло так, будто там кто-то ложкой снимал ржавчину. А потом на встрече выпускников бывший одноклассник бросил фразу: Я думал, ты станешь кем-то. Не оскорбил. Не унизил. Просто сказал вслух то, от чего Сергей всю жизнь пытался убежать.

С этого вечера он начинает доказывать. Жене. Отцу. Одноклассникам. Молодому коллеге. Себе семнадцатилетнему, наглому, голодному, ещё уверенному, что жизнь обязательно даст ему большую сцену. Сергей ввязывается в рискованную сделку, начинает гнать себя, врать, сравнивать, считать чужие победы и презирать свою обычную жизнь. Пока однажды не понимает: он так боялся быть неудачником, что чуть не потерял единственное настоящее, что у него было.

Содержание

Глава 1. Я думал, ты дальше всех пойдёшь	4
Глава 2. Дом, который показался маленьким	22
Глава 3. В шесть утра люди не становятся людьми	35
Глава 4. Деньги, у которых были имена	56
Глава 5. Табурет	75
Глава 6. Понедельник обычного человека	94
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Алексей Корнелюк

Я думал, ты станешь кем-то

Глава 1. Я думал, ты далее всех пойдёшь

Сергей Лисицын начал врать ещё в гардеробе, хотя ничего такого не планировал. Он просто снял куртку, протянул её женщине с лицом уставшей иконы из районной поликлиники, получил пластиковый номерок и услышал за спиной голос, который пах школьным спортзалом, дешёвым одеколоном и мокрыми кроссовками после физкультуры.

— Лис? Ты, что ли?

Сергей обернулся с выражением человека, у которого всё в жизни в порядке, кроме, возможно, качества воздуха. Перед ним стоял Костик Жеребцов — бывший толстяк, бывший отличник, бывший мальчик с вечными соплями и пеналом в виде гоночной машины. Теперь Костик был не толстяк, не отличник и точно не мальчик. Он был плотный, лысоватый, борода клинышком, пальто дорогое, живот деловой, не распушенный, а как будто утверждённый бухгалтерией.

— Я, — сказал Сергей. — А ты чего, Жеребец, совсем человеком стал?

Костик засмеялся, обнял его одной рукой, другой придер-
жал телефон, будто боялся, что тот выскользнет и начнёт
жить отдельно.

— Да какой человеком. Так, пытаюсь. Ты-то как? Чем за-
нимаешься?

Вот тут Сергей мог сказать правду. Руководитель отдела
продаж в компании, которая продавала инженерное оборудо-
вание, расходники, крепёж, какие-то проклятые муфты,
насосы, клапаны и железные штуки, о которых нормальные
люди вспоминали только тогда, когда у них что-нибудь тек-
ло, скрипело или взрывалось. Зарплата нормальная, если не
смотреть по сторонам. Ипотека. Дочь. Жена. Машина, кото-
рая заводилась не с первого раза только зимой, зато летом
делала вид, что она ещё ого-го. Жизнь, которую почему-то
было невозможно произнести вслух перед человеком с тяжё-
лыми часами.

— В продажах, — сказал Сергей и сам услышал, как это
прозвучало. Как будто он до сих пор таскал коробки с рынка.
— Но сейчас думаю одну тему запускать. Свой проект.

Костик кивнул с уважением, которое Сергей тут же воз-
ненавидел, потому что оно было выдано авансом, а авансы
всегда пахнут будущим позором.

— Красавчик. Давно пора. Ты всегда голова был.

Всегда голова. В школе эту фразу говорили учителя, ко-
гда хотели, чтобы он перестал рисовать на последней страни-
це тетради уродливых президентов с рогами. Мать говори-

ла это соседкам, когда он выигрывал районную олимпиаду. Отец говорил иначе: «С твоей головой можно было бы человеком стать». И почему-то именно отцовская версия застряла в нём, как рыбья кость. Не «ты умный». Не «я горжусь». А можно было бы. То есть пока не стал. Пока заготовка. Пока мужчина в вакуумной упаковке.

Ресторан назывался «Мята и мрамор», что уже было подозрительно. Сергей не доверял местам, где в названии соединяли растение и строительный материал. Такие места обычно брали деньги не за еду, а за право сидеть под лампочкой красивее, чем ты есть. У входа стояла худая девушка в чёрном платье и с улыбкой человека, который давно простил человечество за наличные.

— Серёга! — крикнул кто-то. — Лисицын! Живой!

— Пока да, — сказал Сергей. — Но вечер только начался.

Они заржали. Хорошо заржали, по-школьному, потому что первое время на таких встречах все радовались не друг другу, а тому, что смерть пока выбрала кого-то другого. Потом начиналась инвентаризация. Кто чем стал. Кто где живёт. Кто сколько весит, но вслух это не говорилось. Кто на ком женился. Кто развёлся. Кто уехал. Кто вернулся, как побитая собака, и теперь называл это «осознанным выбором региона». Кто купил квартиру. Кто купил вторую.

Сергей сел между Костиком и Леной Сизовой. Лену он узнал не сразу. В школе она была девочкой с двумя косами, прыщом на подбородке и почерком, которому завидова-

ла даже учительница русского. Теперь у неё были короткие волосы, усталые глаза и лицо женщины, которая слишком много раз видела людей без красивых историй про себя. Она работала врачом.

— Привет, Лисицын, — сказала она. — Ты всё ещё шутишь раньше, чем здороваешься?

— Это защитная реакция организма.

— Организм бы лучше выпался.

— Ты сейчас как врач сказала или как бывшая отличница?

— Как человек, который видит мешки под глазами на расстоянии трёх метров.

Сергей хотел ответить что-нибудь бодрое, но официант принёс меню, и все сделали вид, что не знают цен. Меню было из тех, где салат описывали так подробно, будто он пережил войну, эмиграцию и токсичные отношения. «Томаты с фермерским сыром и маслом из трав». Сергей посмотрел на цену и подумал, что за эти деньги томаты могли бы хотя бы позвонить его матери и сказать, что с ним всё будет хорошо.

— Ну что, мужики, — сказал Костик, листая меню. — Берём мясо? Или кто сейчас в этих ваших правильных темах?

— Я после сорока стал есть меньше мяса, — сказал Макс Громов, бывший капитан школьной команды по баскетболу. Теперь он был красный, большой и сидел так, будто стул находился у него в подчинении. — Давление, холестерин, жена с ума сходит. Говорит: умрёшь, козёл, кто ипотеку платить будет?

— Любовь, — сказала Лена. — В зрелом виде.

— Ага, — кивнул Макс. — У нас вся любовь через платёжный календарь.

Сергей засмеялся вместе со всеми, но смех у него вышел короткий, служебный. Он подумал о Тане.

— Надень синюю, — сказала она. — Она тебе идёт.

— Я не на смотрины.

— Ты на встречу выпускников. Это хуже.

— Там всем плевать.

— Если бы тебе было плевать, ты бы не мерил три рубашки и не матерился на живот.

Он тогда сказал что-то неприятное. Не грубое даже. Сухое.

— Тебе виднее, — сказал он. — Ты же у нас специалист по моему животу.

Таня молча положила синюю рубашку на кровать. Не бросила. Не швырнула. Просто положила. Это было хуже.

Сергей всё-таки надел синюю. Теперь сидел в ней под ресторанный лампочкой, пил воду с лимоном и ненавидел себя за то, что хочет заказать не самое дешёвое блюдо. Не потому что голоден. Потому что Костик рядом уже заказал стейк, Макс — что-то с тунцом, а Лена — суп, спокойно, без всякой борьбы. У неё была эта отвратительная свобода людей, которые не соревнуются в меню.

— А Денис будет? — спросил кто-то с дальнего конца стола.

Разговор чуть просел. Даже официант как будто медленнее поставил бокалы. Денис Кравцов был школьной легендой наоборот. Не отличник, не спортсмен, не заводи́ла. Маленький, злой, с вечно обкусанными ногтями и матерью, которая приходила на родительские собрания в пуховике с оторванным карманом.

— Будет, — сказал Костик. — Он писал. Опаздывает. У него встреча какая-то.

— Конечно, — сказал Макс. — У кого-то же должна быть встреча. Мы-то так, пришли пожрать.

— Не завидуй, — сказала Лена.

— Я не завидую. Я презираю с интересом.

Сергей снова засмеялся, но внутри что-то маленькое и неприятное уже проснулось. Как таракан за холодильником. Не видно, но ты знаешь, что он там, шевелит усами, ждёт ночи.

Первые полчаса всё было почти хорошо. Они вспоминали учителей. Физрука, который называл всех «пассажирами» и носил свисток даже в столовую. Химичку, которая однажды кинула мел в Артёма Боброва и попала в портрет Менделеева. Классную руководительницу Нину Васильевну, которая верила, что из них выйдут люди, и, возможно, поэтому ушла на пенсию раньше времени.

Потом разговор незаметно перешёл в настоящее. Не резко. Никто не хлопнул по столу и не сказал: «Ну что, ублюдки, предъявляйте достижения». Нет. Всё случилось культур-

но. Через детей, районы, отпуска, работу, ремонт, школы, цены, врачей, жильё. Через слова «мы взяли», «мы продали», «мы строим», «мы переехали», «мы вложились», «мы сейчас смотрим». Это «мы» летало над столом жирной мухой. У всех были какие-то «мы», даже у разведённых. «Мы с партнёром».

— Серёг, а ты где сейчас? — спросил Макс, разрезая рыбу так уверенно, будто она была его подчинённой.

— В «Техноснабе», — сказал Сергей. — Руководитель отдела.

— Нормально?

— Нормально.

Слово упало на тарелку и умерло. Нормально. Самое жалкое слово взрослого мужчины. Им закрывали всё: брак, здоровье, зарплату, настроение, секс, отношения с отцом, состояние машины, давление в груди и желание однажды выйти за хлебом и не вернуться. Нормально — это когда нельзя пожаловаться, но и похвастаться нечем. Нормально — это серый коридор между «плохо» и «есть что выложить».

— А свой бизнес не думал? — спросил Костик.

Сергей почувствовал, как Лена чуть повернула к нему голову. Не сильно. Просто воздух возле неё изменился. Врачи вообще опасные люди.

— Думал, — сказал Сергей. — Сейчас как раз смотрю один вариант. Не хочу раньше времени говорить.

— О, интрига, — сказал Макс. — Смотри, Лис, главное

— не думай долго. Мы уже не в том возрасте, чтобы ждать идеального момента.

Сергей кивнул. Он ненавидел эту фразу. «Мы уже не в том возрасте». Как будто возраст — это клуб, куда тебя приняли без заявления, выдали полотенце, дряблую шею, анализы и запрет на поздний старт. В двадцать тебе говорят: рано. В тридцать: пора. В сорок: поздно. Главное — ни в какой момент не жить.

— Я не жду, — сказал Сергей. — Просто считаю.

— Он всегда считал, — сказала Лена. — Даже когда спивал.

— Это называется стратегическое мышление.

— Это называлось “Лена, подвинь тетрадь”.

Они засмеялись. Сергей тоже. На секунду стало легче. Лена умела возвращать его в те времена, где он ещё не был просроченным проектом.

Потом пришёл Денис.

Сначала в зал вошёл его запах. Не парфюм даже, а вся эта дорогая уверенность, которую сейчас продавали в бутиках вместе с ремнями, улыбками и способностью не извиняться. Потом появился он сам: высокий, сухой, загорелый, в чёрной водолазке и пиджаке, который сидел на нём так, будто его не шили, а выращивали прямо на теле. Волосы короткие, сиди-на у висков не старила, а работала на бренд. Зубы ровные. Улыбка лёгкая.

— Простите, братья и сёстры, — сказал Денис, распахив-

вая руки. — Деньги не отпускали.

— Хоть кто-то из нас честен, — сказала Лена.

Денис посмотрел на неё, прищурился, потом рассмеялся.

— Сизова? Да ладно. Ты стала красивой и опасной. Это вообще законно?

— У меня справка.

— Не сомневаюсь.

Он обнял Костика, хлопнул Макса по плечу, пожал руки тем, кого помнил, и тех, кого не помнил, назвал по именам, потому что подготовился. Сергей это заметил. Денис всегда был из тех людей, которые превращали внимание в оружие. В школе он молчал в углу и смотрел.

— Лисицын, — сказал Денис и задержался перед Сергеем на полсекунды дольше, чем нужно. — Ты вообще не изменился.

Это была ложь. Одна из тех вежливых ложей, которыми взрослые мужчины обмениваются вместо цветов. Сергей изменился. У него было лицо человека, который научился терпеть планёрки, недосып, скидки клиентам, чужие истерики, детские болезни, семейные счета, отцовские замечания и зеркало в примерочной. Он не просто изменился. Его аккуратно, год за годом, подпиливали реальностью, как ножку у стула, чтобы не шатался. Но Денис сказал «не изменился», и Сергей почему-то обрадовался. Как мальчик, которому вернули старую кличку и вместе с ней кусок кожи.

— Ты тоже, — сказал Сергей.

— А вот это уже грубая лесть, — улыбнулся Денис. — Я, брат, изменился. Я очень старался.

Он сел напротив. Не рядом, не с краю, не случайно. Напротив. У Дениса вообще не было случайностей. Официантка кивала так, будто ей выдавали инструкции по эвакуации.

— Ну рассказывайте, — сказал Денис. — Кто кем стал? Только коротко, а то я сентиментальный, могу расплакаться в салат.

— Ты первый, — сказал Макс. — А то у нас тут все скромничают, как бедные родственники.

— Я? Да что я. Девелопмент, инвестиции, немного логистики, немного складов, немного коммерческой недвижимости. В основном скука. Взрослые люди делают вид, что понимают рынок, рынок делает вид, что не смеётся.

— То есть деньги есть, — сказал Костик.

— Деньги есть у государства. У нас временно лежат.

Снова смех. Лёгкий, зависимый. Все смеялись чуть охотнее, чем шутка заслуживала. Сергей тоже. Денис говорил просто, без надрыва, без этой мелкой просьбы «оцените меня», которая торчала из остальных, как нитка из дешёвого пиджака. Он не выпрашивал признание. Он раздавал его сам. Костика назвал «аккуратным капиталистом». Макса — «генералом домашних войск».

— А Лис у нас? — спросил Денис. — Я помню, ты же был мозг класса. Мы все думали, что ты либо министром станешь, либо сядешь за попытку государственного перево-

рота.

— Второе пока в разработке, — сказал Сергей.

— Прекрасно. А если серьёзно?

Сергей почувствовал, как стол чуть наклонился в его сторону. Конечно, никто не наклонялся. Все жевали, пили, улыбались. Но внутри у него уже включили прожектор.

— Работаю, — сказал он. — Руководитель отдела. Но сейчас смотрю в сторону своего дела.

— В какую сторону? — Денис говорил мягко, почти по-дружески.

— Производственная тема. Поставки. Есть несколько контактов. Думаю собрать людей.

Ложь разрасталась прямо у него во рту. Ещё минуту назад была «одна тема». Теперь уже «несколько контактов» и «собрать людей». Сергей почти видел, как слова выходят из него в дорогой зал, покрываются лаком и садятся на стол между тарелками. Красивые. Чужие. Скользкие.

— Хорошо, — сказал Денис. — Очень хорошо. Ты всегда был не для найма.

Эта фраза попала куда-то под рёбра. Сергей даже вдохнул не сразу. Не для найма. Господи, как же дешево покупается взрослый мужик.

— Да я и сам это понимаю, — сказал Сергей. — Просто долго не хотел суесться.

Лена кашлянула. Или усмехнулась. Или подавилась супом. Сергей не посмотрел.

— Не хотел суетиться, — повторил Денис и кивнул так, будто фраза была достойна записи. — Умно. Суетятся бедные. Богатые двигаются.

Костик поднял бокал.

— За движение тогда.

— За движение, — сказал Макс. — И чтобы суставы не хрустели.

Они выпили. Сергей тоже поднял бокал с водой. Он сегодня решил не пить. Не из принципа. Просто завтра надо было ехать с Машей за кроссовками, потом к отцу завезти лекарства, потом доделать отчёт, потом ещё какая-то семейная мутота, из которой состояла взрослая суббота. Просто чтобы рука держала что-то более серьёзное, чем вода с лимоном.

— Принесите мне виски, — сказал он официантке, когда она проходила мимо.

— Какой?

Сергей открыл меню, посмотрел в раздел напитков, увидел цены и на секунду потерял веру в цивилизацию.

— Любой нормальный, — сказал он. — Без фанатизма.

Денис улыбнулся.

— Хорошая стратегия.

Сергей хотел сказать: «Пошёл ты». Но сказал:

— Работает.

Вечер поплыл. Люди говорили громче, стулья отодвигались чаще, официанты носили тарелки, будто эвакуировали имущество из горящего дома. Где-то за соседним столом

женщина смеялась так, будто ей срочно нужно было доказать всем бывшим, что она счастлива. В углу двое мужчин обсуждали стройку. На стене висело абстрактное полотно, похожее на снимок больной печени. Сергей пил виски маленькими глотками и чувствовал, как внутри у него расправляется что-то опасное. Не уверенность.

Денис рассказывал истории. Не хвастался в лоб. Это было бы вульгарно. Он будто случайно упоминал людей, суммы, города, сделки, встречи. «Когда мы в Дубае смотрели объект...» «Один парень из фонда сказал...» «Я тогда понял, что бедность — это не в кошельке, а в скорости реакции...» Все слушали. Даже те, кто делал вид, что не слушает. Сергей тоже слушал.

— Знаешь, в чём проблема нашего поколения? — сказал Денис, повернувшись к Сергею. — Нас учили быть хорошими исполнителями. Не голодными. Не злыми. Не наглыми. А мир забрали те, кто не ждал разрешения.

— Мир всегда забирают наглые, — сказала Лена. — А потом врачи забирают нагих с давлением, паническими атаками и третьим разводом.

— Сизова, не порть мне красивую речь медициной.

— Ты сам испортился раньше.

Денис рассмеялся, но на этот раз чуть жёстче.

— Ладно, доктор. Но я серьёзно. Мы же все тогда думали, что достаточно быть умным. Учиться, читать, не быть идиотом. А оказалось, умных — как грязи. Решают те, кто встаёт

и берёт.

— Иногда те, кто встаёт и берёт, просто воруют, — сказала Лена.

— Иногда. Но чаще они просто берут то, на что остальные смотрят и рассуждают, имеют ли право.

Сергей почувствовал, что разговор уже не общий. Денис смотрел на него. Не давил, нет. Хуже. Приглашал. Как будто за столом вдруг открылась дверь, и за ней была не кухня ресторана, а другая жизнь. Где он не объясняет Тане, почему опять не получилось отложить. Не смотрит на отцовскую табуретку, которую тот чинит третий год. Не слушает Игоря на работе, молодого, борзого, с его дурацкими идеями и вечными заметками в телефоне. Не выбирает кроссовки Маше по скидке.

— Ты что думаешь, Лис? — спросил Денис.

Сергей пожал плечами.

— Думаю, что брать тоже надо уметь. А то можно взять не своё и подавиться.

— Вот, — Денис ткнул в него пальцем. — Поэтому я всегда говорил: у тебя голова. Ты не из этих, которые просто бегут за блестящим.

Лена смотрела в свою чашку. Макс спорил с Костиком о налогах. Кто-то выкладывал фотографию в общий чат. Мир продолжал работать, как дешёвый вентилятор: шумно, бессмысленно, но создавая видимость движения.

— Надо будет поговорить, — сказал Денис тихо. — Без

этой школьной ярмарки тщеславия. Есть одна штука. Может быть тебе интересно.

Сергей должен был сразу насторожиться. Взрослый человек, особенно взрослый мужчина с ипотекой и не самой свежей машиной, обязан настораживаться, когда бывший одноклассник в дорогом пиджаке говорит «есть одна штука». Это должно звенеть в голове пожарной сигнализацией. Но в голове у Сергея звенело другое. Не сигнализация. Школьный звонок.

— Можно, — сказал Сергей. — Набери.

— Наберу.

Потом они фотографировались. Это была обязательная часть казни. Все встали у стены с искусственным мхом, потому что ресторан решил: если люди платят за салат, они заслужили сфотографироваться на фоне зелёной мочалки. Мужчины втягивали животы, женщины поворачивались правильной стороной, кто-то шутил, что надо включить фильтр «минус пятнадцать лет и две ипотеки». Сергей стоял рядом с Денисом и чувствовал плечом его пиджак. Ткань была мягкая, дорогая.

— Серёга, улыбнись, — крикнул Костик. — Ты как на собрании кредиторов.

— Я там обычно веселее.

Снимали несколько раз. У кого-то были закрыты глаза, кто-то двинулся, у Макса получилось лицо человека, который только что предал родину и шашлык. Все смеялись.

У гардероба Сергей оказался рядом с Денисом. Тот доставал пальто и говорил по телефону на полтона ниже обычно. Сергей не слушал. То есть слушал, конечно. Взрослый мужчина вообще много чего делает «не», когда на самом деле делает.

— Да, завтра посмотрю документы. Нет, Серёга может быть полезен. Не тот Серёга. Другой. Умный, но пока нераскрытый.

Нераскрытый. Сергей взял куртку и почему-то чуть сильнее сжал номерок. Пластик впился в пальцы. Он хотел разозлиться. «Пока нераскрытый» звучало как диагноз консервной банки. Но злость не пришла. Пришёл стыд. Как тапки у входа.

Денис убрал телефон.

— Извини. Дела.

— Бывает.

Они вышли на улицу. Было холодно, асфальт блестел после недавнего дождя, машины шуршали по проспекту, люди курили у входа, и пар изо рта у них выходил так, будто внутри каждый держал маленькую полонку. Сергей застегнул куртку.

— Слушай, Серёг, — сказал он вдруг. — Я вот смотрел сегодня на тебя и вспомнил школу. Честно. Ты тогда был самый... даже не умный. Умных много было. Ты был злой в хорошем смысле. Голодный. С глазами такими, будто тебе весь мир тесный.

Сергей усмехнулся.

— Видимо, мир расширился.

— Нет, — сказал Денис. — Ты просто сел.

Сергей повернул к нему голову.

— В смысле?

Денис посмотрел на него почти ласково. Вот в этом и была гадость. Не с презрением. Не сверху. Почти с сожалением.

— Да ни в каком. Просто... — он пожал плечами. — Я думал, ты дальше всех пойдёшь.

Фраза была не громкая. Не театральная. Не с музыкой. Рядом кто-то хлопнул дверцей такси, женщина в красном пальто смеялась в телефон, охранник ресторана прикуривал, водитель доставки поправлял рюкзак с едой. Мир не заметил.

Сергей улыбнулся. Хорошо улыбнулся. Почти профессионально.

— А я ещё иду, — сказал он.

— Вот и отлично, — Денис хлопнул его по плечу. — Тогда поговорим.

Он ушёл к чёрной машине, которая подъехала слишком вовремя, чтобы быть случайной. Сергей остался у ресторана с курткой, застёгнутой криво, с привкусом виски во рту и с фразой, которая уже ходила по нему, как хозяин по новой квартире. Я думал, ты дальше всех пойдёшь. Не «как ты». Не «рад тебя видеть». Не «все мы постарели, брат». Нет. Дальше всех. Пойдёшь. А он куда пришёл? Людьми стали?»

Он достал телефон. На экране было сообщение от Тани:

«Ты скоро?» Ни смайлика. Ни упрёка. Просто два слова. Дома его ждали. Не сцена, не победа, не доказательство. Ждали жена, ребёнок, тёмная кухня, контейнер с котлетами, школьная форма на стуле, неоплаченная квитанция, жизнь. Обычная. Почему-то именно это показалось ему в тот момент самым унижительным.

Сергей набрал: «Скоро». Потом стёр. Написал: «Еду». И тоже стёр. Потом просто сунул телефон в карман и пошёл пешком до угла, хотя такси можно было вызвать за десять секунд. Ему надо было пройтись. Не проветриться. Проветриваются люди, у которых в голове душно.

На углу он остановился у витрины закрытого салона мужской одежды. В стекле отражался мужчина тридцати девяти лет. Не урод. Не старик.

Он смотрел на отражение долго. Машины проезжали за его спиной, свет фар резал стекло, и на секунду ему показалось, что отражение улыбается не так, как он. Чуть наглее. Чуть моложе. Чуть голоднее.

Телефон завибрировал. Сообщение от незнакомого номера.

«Лис, это Денис. Завтра в 12 кофе? Есть разговор. Думаю, тебе пора перестать сидеть».

Сергей прочитал. Потом ещё раз. Потом убрал телефон. Потом снова достал. Набрал одно слово.

«Давай».

И только после этого пошёл домой.

Глава 2. Дом, который показался маленьким

Квартира показалась Сергею маленькой ещё до того, как он открыл дверь. Он стоял на площадке, держал ключи в руке и смотрел на облупившийся угол возле лифта, где кто-то когда-то пытался оттереть детскую наклейку с единорогом, но сдался на половине. Единорог остался без головы. Тело розовое, крыло одно, хвост радужный, а головы нет.

Сергей тихо вставил ключ. Первый замок провернулся нормально, второй, как всегда, упёрся. Этот замок отец советовал поменять уже три года. «У тебя дверь как у беженца, Серёг. Мужик должен хотя бы вход в дом держать в порядке». Отец вообще считал, что мужик должен очень много чего. Держать дверь. Держать слово. Держать удар. Держать семью. Держать себя. Не ныть. Не жиреть.

Замок наконец щёлкнул. В прихожей было темно, пахло обувью, детским шампунем, пылью из батареи и чем-то домашним, что нельзя было назвать запахом, но можно было потерять и потом всю жизнь искать в чужих квартирах. На коврике стояли Машины кроссовки с развязанными шнурками. Маленькие, белые, уже с серой полосой сбоку. Завтра надо было купить новые. Он обещал. Вернее, Таня сказала: «Завтра съездите, она уже месяц ходит в этих, стелька сби-

лась». У взрослых мужчин «угу» часто работает как расписка, только без юридической силы.

Он снял ботинки, повесил куртку и замер. Из кухни пробивалась тонкая полоска света. Таня не спала.

Конечно.

Жёны вообще странные существа. Могут лечь в одиннадцать, сказать «я очень устала», закрыть глаза, повернуться к стене, а потом в час ночи сидеть на кухне с чашкой чая и таким лицом, будто ты не домой пришёл, а на допрос в страну, где давно отменили адвокатов.

Сергей прошёл по коридору, стараясь не наступить на скрипучую доску возле шкафа, хотя доска всё равно скрипнула. Предательница. На кухне Таня сидела в старой серой футболке, в которой спала последние лет семь, но почему-то именно в ней всегда выглядела опаснее, чем в любом платье. Волосы собраны в кривой пучок, на носу очки, перед ней чашка, телефон экраном вниз и тарелка с одним недоеденным яблочным кусочком. Она резала яблоко, значит, ждала долго.

— Привет, — сказал Сергей.

— Привет.

— Не спишь?

— Как видишь.

— Я тихо.

— Очень. Особенно замок оценил твою деликатность.

Сергей кивнул, будто замечание было техническим и его

можно было принять к сведению без внутреннего ущерба. Он подошёл к раковине, налил воды в стакан, выпил. Вода была тёплая, с привкусом старых труб и семейного быта.

— Как прошло? — спросила Таня.

— Нормально.

Она чуть усмехнулась. Не весело. Так, уголком рта. «Нормально» опять вышло на работу, как ночной сторож.

— Все живы?

— Почти. Некоторые лучше, чем должны были.

— Это как?

— Да так. Постарели, похвастались, разошлись.

Таня посмотрела на него внимательнее. Она всегда видела слишком много. Не как Лена, врачебно, с холодной точностью. Таня видела бытовым зрением. Женским. Опасным. По тому, как молчишь, что уже придумываешь себе оправдание.

— Ты пил?

— Немного.

— Ты же говорил, что не будешь.

— Я много чего говорю.

Это прозвучало хуже, чем он хотел. У него вообще после встречи все фразы стали выходить с занозами. Таня не ответила сразу. Она взяла кусочек яблока, покрутила его в пальцах и положила обратно на тарелку. Не съела. Просто дала ему умереть от неловкости.

— Понятно.

— Что понятно?

— Ничего. Просто понятно.

— Тань, не начинай, а?

— Я ещё даже не начинала.

— Вот и хорошо.

— Ты пришёл домой злой, хотя вроде должен был прийти довольный. Значит, там кто-то сказал что-то, что попало куда надо. Теперь ты будешь делать вид, что это я тебя раздражаю.

Сергей поставил стакан на стол. Слишком громко. Вода плеснулась на клеёнку, и капля поползла по нарисованной ветке лимона. Таня купила эту клеёнку весной, потому что старая была «уже как наша семейная нервная система — вся в порезах». Он тогда засмеялся. Сейчас не хотелось.

— Ты когда так говоришь, у меня ощущение, что я не домой пришёл, а на приём.

— А ты дома давно не был.

— Началось.

— Нет, Серёж. Не началось. Продолжается.

Он сел напротив неё. Стул скрипнул под ним так, будто тоже имел мнение. На холодильнике висели магниты: Турция пятилетней давности, Сочи, где они ругались три дня из семи, Новосибирский зоопарк, какая-то Машина поделка из солёного теста, похожая на расплющенного ангела. Рядом висели детские рисунки. На одном динозавр сидел за столом и подписывал бумажки. Внизу кривыми буквами было на-

писано: «ТИРАНОЗАВР ДИРЕКТОР ПО КРИКУ». Сергей раньше смеялся каждый раз, когда видел этот рисунок. Сейчас взгляд зацепился за слово «крику», и стало мерзко. Не потому что он кричал. Он не был из тех отцов, которые орут так, что у ребёнка потом всю жизнь плечи у ушей. Он кричал редко.

— Маша спит? — спросил он.

— Да.

— Завтра кроссовки купим.

— Она уже не очень хочет с тобой ехать.

— В смысле?

— В прямом. Сказала, что можно заказать.

— Почему?

Таня посмотрела на него с усталостью, которая не нападала, а просто лежала между ними, как большая мокрая тряпка.

— Потому что ты в магазине начинаешь нервничать через десять минут. Потому что тебе всё дорого, всё долго, продавцы тупые, размеры неправильные, музыка громкая, а Маша ходит и чувствует, что она виновата в том, что у неё выросла нога.

— Я не говорил, что она виновата.

— Дети не ждут нотариального заверения, Серёж. Они атмосферу читают быстрее нас.

Он хотел возразить. Очень хотел. В нём поднялась готовая речь: я работаю, я зарабатываю, я не печатаю деньги, я устаю,

я не обязан радоваться каждому походу за кроссовками, у меня тоже есть нервы, у меня тоже есть жизнь, хотя всем почему-то кажется, что моя жизнь — это сервисный центр для ваших запросов. Речь была хорошая, мужская, обкатанная, с удобными поворотами и местами для аплодисментов от внутреннего адвоката. Но он посмотрел на рисунок динозавра-директора и не произнёс её. Не из благородства. Просто сил не хватило.

— Ладно, — сказал он. — Закажем.

— Вот именно это и обидно.

— Что?

— Что ты не понял.

— Тань, я сейчас не в состоянии разгадывать квесты. Скажи прямо.

— Ей не кроссовки нужны. Ей с тобой день нужен. Но такой, где ты не мученик в торговом центре, не человек с калькулятором в глазах и не папа, который физически рядом, а головой ругается с кем-то невидимым.

Сергей резко выдохнул. Невидимый кто-то сегодня был очень даже видимый: Денис Кравцов в чёрной водолазке, с часами, водой без газа, лимоном отдельно и фразой «ты просто сел». Но говорить об этом Тане было нельзя. Не потому что она не поймёт. Она, может быть, как раз поймёт. И это было хуже. Мужчине иногда проще выслушать презрение, чем точное понимание. Понимание приходится переживать.

— Ты из одной встречи сделала драму на три сезона, —

сказал он.

— Нет. Я из одной встречи вижу старую серию, которую уже показывали.

— Какую?

— Ту, где ты приходишь после разговора с каким-нибудь успешным мужиком и пару недель ненавидишь нашу жизнь.

Вот теперь попала. Не ножом даже. Ложкой. Медленно, мерзко, по дну кастрюли.

— Я не ненавижу нашу жизнь.

— Правда?

— Правда.

— Тогда почему ты сейчас смотришь на кухню так, будто мы тебя сюда сослали?

Он отвернулся. В окне кухни отражался он сам, Таня, холодильник, кусок стены, тёмная коробка ночного двора. Кухня была маленькая. Не объективно маленькая — нормальная кухня в нормальной квартире нормальных людей, которые не снимают ролики про идеальное утро. Но сейчас она казалась ему не комнатой, а приговором. Шесть квадратных метров доказательства, что он не стал тем, кем должен был. Старый чайник. Скол на плитке у раковины.

— Я устал, — сказал он.

— Я тоже.

— Тогда давай спать.

— Давай.

Они встали почти одновременно. Как люди, которые ре-

петировали синхронный отход от разговора много лет. Таня взяла чашку, вылила чай, помыла её сразу. Она всегда мыла чашку сразу, даже ночью.

В коридоре он остановился у двери Машиной комнаты. Полоска света под дверью не горела. Тихо. Он приоткрыл дверь. Комната пахла детским сном, бумагой, фломастерами и чем-то сладким, хотя Таня запрещала есть в комнате. На стуле висела школьная форма. На полу лежал носок. Один. Второй, видимо, ушёл искать смысл жизни. Маша спала боком, поджав колени, волосы разметались по подушке, одна рука свисала с кровати. На одеяле лежала плюшевая акула с перекошенным ртом. Сергей подарил её Маше год назад в океанариуме, и она сказала: «Она похожа на тебя, когда ты не выспался».

На столе у Маши лежал новый рисунок. Сергей включил фонарик на телефоне, накрыл свет ладонью, чтобы не разбудить её, и посмотрел. Динозавр стоял перед большим зданием. На здании было написано: «РАБОТА». Динозавр был в галстук и с огромным портфелем. Рядом маленький динозаврик держал воздушный шарик и говорил в облачке: «СМОТРИ». Большой динозавр смотрел не на шарик, а в телефон. Под рисунком было написано: «ПАПА ЗАНЯТ».

Сергей погасил фонарик. Стоял в темноте и слушал, как Маша дышит. У детей дыхание честное. Взрослые даже дышат с оговорками. Он хотел подойти, поправить одеяло, поцеловать её в волосы. Но вдруг испугался, что она проснётся

и спросит: «Пап, ты чего?» А он не знал, чего. Не знал, как объяснить ребёнку, что папу ударили не кулаком, не увольнением, не диагнозом, а фразой бывшего одноклассника в дорогом пиджаке.

Он вышел и тихо закрыл дверь.

В спальне Таня уже легла. Спиной к нему. На тумбочке у неё лежала книга с закладкой, крем для рук, резинка для волос и чек из аптеки. Сергей разделся, бросил рубашку на кресло. Синяя рубашка упала рукавом на пол, как человек после плохой драки. Таня не шевельнулась.

— Тань, — сказал он тихо.

— Что?

— Я завтра съезжу с ней. Нормально. Без психов.

— Угу.

Вот оно. «Угу» вернулось домой, только уже в её исполнении. Заслуженно, в общем. Семейная справедливость всегда работает как бумеранг из дешёвого пластика: летит криво, но попадает.

— Я серьёзно.

— Хорошо.

— Ты мне не веришь?

— Я тебе верю. Просто не уверена, что ты себе веришь.

Он повернулся на спину. Потолок был белый, с маленькой трещиной у люстры. Трещина появилась после того, как соседи сверху делали ремонт и три недели сверлили так, будто пытались найти нефть. Сергей тогда обещал зашпаклевать.

Не зашпаклевал. Трещина стала домашней. Они к ней привыкли.

Телефон на тумбочке завибрировал. Сергей быстро взял его, хотя делал вид, что не ждал. Сообщение от Дениса: «Адрес скину утром. Не бери с собой осторожность, она нам не понадобится».

Сергей прочитал, и в животе снова пошевелилось то самое опасное. Неприятное. Живое.

— Кто пишет? — спросила Таня.

— Да так. Из чата.

— Угу.

Он положил телефон экраном вниз. Полежал десять секунд. Взял снова. Открыл общий чат выпускников. Там уже летели фотографии. Люди отправляли смайлики, писали «надо чаще», «все красавцы», «какой вечер», «ржу до сих пор», «Макс, ты легенда», «Лена, ты вообще не изменилась». Сергей пролистал. Нашёл общую фотографию у стены с мхом. Увеличил. Все выглядели примерно одинаково плохо и хорошо одновременно, как обычно на групповых снимках после сорока: весёлые лица, чужие подбородки, блеск глаз, лёгкая паника в позах. Денис в центре. Конечно. Не специально, но в центре. Костик рядом, Макс, Лена, Юлька Климова с новым носом и старой улыбкой. Сергей стоял сбоку. Не совсем с краю, но достаточно, чтобы казаться человеком, который зашёл позже и не понял, куда встать. Синяя рубашка сидела нормально. Волосы нормально. Лицо...

Как окна в доме, где давно никто не живёт.

Он сохранил фото. Потом зачем-то открыл профиль Дениса. Закрытый аккаунт, но часть фотографий видна. Машина. Вид на город. Самолётное крыло. Денис в каске на стройке, Денис в ресторане, Денис с какими-то мужчинами, у которых одинаковые зубы и разные степени опасности. Подпись: «Не скорость убивает, а привычка ждать». Сергей смотрел на эту фразу и чувствовал, как в нём поднимается презрение. К Денису. К таким подписям. К людям, которые фотографируются на фоне бетона и называют это философией. Обычная, маленькая, зелёная, как плесень на забытом хлебе.

Таня тихо дышала рядом. Не спала, но уже ушла в свой внутренний дом, куда его сегодня не пустили. Сергей открыл браузер. В поисковой строке с прошлого раза висело: «как вывести пятно от граната с белой футболки». Маша ела гранат на диване. Был скандал. Не большой.

Он стёр запрос и набрал: «как открыть своё дело с нуля». Посмотрел на фразу. Удалил. Слишком жалко. Набрал: «поставки инженерного оборудования бизнес». Удалил. Набрал: «как понять что пора уходить из найма». Телефон светил ему в лицо, как маленький дешёвый следователь.

Потом он открыл заметки. Новая заметка. Пустая страница. Мигающий курсор. До смешного похожий на школьную тетрадь. Только тогда сверху было написано «Классная работа», а теперь никто ничего не писал. Сам пиши. Сам по-

лучай двойку.

Он набрал: «Проект». Потом ниже: «Цель». Посмотрел. Стер «Цель». Набрал: «Выход». Стер. Набрал: «Деньги». Стер. Набрал: «Свобода».

В итоге написал: «Не сидеть».

Две строки ниже: «Денис. 12:00. Кофе».

Он смотрел на эти слова дольше, чем нужно. Было ощущение, будто он подписал что-то, хотя ничего ещё не подписывал. Просто написал в заметках. Просто встреча. Просто кофе. Просто разговор. Просто бывший одноклассник. Всё страшное в жизни сначала называется «просто».

Сергей положил телефон. Закрыв глаза. Через минуту открыл. Снова взял телефон и поставил будильник на 6:30. Потом на 6:15. Потом на 6:00. Пускай. Надо начинать. Не с понедельника. Не с нового месяца. Не когда ипотека станет меньше, спина перестанет ныть, Таня перестанет смотреть так, Маша перестанет расти, отец перестанет говорить «в твоём возрасте». В шесть.

Он включил название будильника и написал: «Встать человеком».

Посмотрел. Стер.

Написал: «Встать».

Так было честнее.

Телефон погас. В комнате стало темно. Таня дышала рядом. За стеной кто-то кашлянул. В батарее щёлкнуло. Машина во дворе пикнула сигнализацией, коротко, обиженно,

как будто и она не стала тем, чем обещали в автосалоне. Всё то, что сегодня почему-то стало доказательством обвинения.

Он повернулся на бок, спиной к Тане, и почти сразу понял, что не уснёт. В голове ходил Денис. Ходил отец. Ходила Лена со своим спокойным взглядом.

Где-то около трёх ночи Сергей всё-таки провалился в сон. Ему приснился школьный коридор, длинный, как взрослая жизнь. В конце стояла дверь с табличкой «КЕМ-ТО». Он шёл к ней, нёс портфель, телефон, ипотечный договор, Машины кроссовки, синюю рубашку, отцовский табурет, Танину чашку с трещиной и огромный золотой кубок с надписью «Почти».

А утром в шесть телефон заорал так, будто в нём проснулся маленький начальник.

Сергей открыл глаза.

Будильник назывался просто: «Встать».

И он встал.

Глава 3. В шесть утра люди не становятся людьми

В шесть утра Сергей Лисицын понял, что человеком за один будильник не становятся. Можно поставить громкий сигнал, можно назвать его строго, можно даже открыть глаза с выражением волевого реформатора собственной помойки, но тело всё равно лежит на кровати и говорит: иди ты, Серёжа, со своими историческими решениями. Тело не читало мотивационные книги. Тело помнило виски, ресторан, два часа сна, Танину спину рядом и фразу Дениса, которая всю ночь ходила по черепу в ботинках.

Телефон орал на тумбочке. Не мелодией, а приказом. Сергей потянулся, нащупал его, хотел нажать «отложить», но увидел название будильника: «Встать». Одно слово. Без пафоса. Без «новая жизнь». Без «ты сможешь». Встать.

Он встал слишком резко. В глазах потемнело, позвоночник щёлкнул где-то в районе поясницы, и Сергей на секунду замер у кровати, держась за край тумбочки. Очень красивое начало новой жизни: мужчина почти падает в трусах, потому что решил победить судьбу до завтрака. Таня не проснулась или сделала вид, что не проснулась. У неё был талант не просыпаться с такой точностью, что становилось ясно: она всё слышит. Сергей тихо взял спортивные штаны со стула,

футболку, носки и вышел в коридор. Лежит поперёк прохода, как доказательство школьной системы против семейной логистики.

На кухне было серо. Не темно и не светло, а именно серо, как бухгалтерский отчёт о погоде. За окном двор ещё спал. Машины стояли в ряд, похожие на животных в дешёвом зоопарке, мусорные баки мокро блестели, на детской площадке качели чуть двигались от ветра, будто кто-то невидимый тоже не мог уснуть. Сергей включил чайник, потом вспомнил, что эффективные люди, кажется, сначала пьют воду. Налил стакан. Выпил. Вода была холодная и злая.

Он сел за стол, открыл заметки. Там было написано: «Не сидеть. Денис. 12:00. Кофе». Вчера это выглядело как начало. Утром — как улика. Сергей посмотрел на слова и почувствовал сразу две вещи: азарт и стыд.

Он открыл поисковик. Запросы ночью остались в истории: «как открыть своё дело с нуля», «поставки инженерного оборудования бизнес», «как понять что пора уходить из найма». Теперь это смотрелось так жалко, что Сергей быстро очистил историю, будто полиция нравственного возраста могла ворваться в кухню и сказать: гражданин Лисицын, вы обвиняетесь в позднем старте с признаками паники. Потом открыл видео с утренней разминкой. На экране появился парень с идеальным лицом и голосом человека, который никогда не ругался в очереди в МФЦ. Парень сказал: «Всего десять минут, и ваше тело скажет вам спасибо». Сергей по-

смотрел на своё тело. Тело заранее отказалось благодарить.

Он всё равно расстелил коврик в комнате. Коврик купили Тане для йоги три года назад, когда она решила «немного восстановить спину и нервы», но потом Маша пролила на него какао, и с тех пор коврик лежал за шкафом, пах резиной, пылью и несостоявшейся гибкостью. Сергей встал на него босыми ногами, включил видео без звука, чтобы не разбудить домашних, и начал повторять движения за безупречным парнем. Через три минуты он вспотел. Через пять — возненавидел планку, коврик, парня, своё отражение в чёрном экране телевизора и всю цивилизацию, которая придумала, что мужчина должен не просто жить, а ещё и держать корпус. На восьмой минуте в комнату вошла Маша.

Она стояла в дверях в пижаме с пингвинами, с торчащими волосами, сонная, тёплая, помятая, как маленькое письмо из нормального мира. В руках держала плюшевую акулу. Акула смотрела на Сергея с таким же недоумением, как и дочь.

— Пап, ты умер? — спросила Маша.

Сергей лежал на коврике лицом вниз после упражнения, которое парень на экране называл «динамический супермен». Никакого супермена не получилось. Получилась мокрая тряпка с ипотекой.

— Тренируюсь, — сказал Сергей в пол.

— Зачем?

Вот дети умеют задавать вопросы. Взрослые спросили бы: «О, решил заняться собой?» или «Наконец-то» или «Акку-

ратнее со спиной». Ребёнок сразу туда, где больно: зачем? Не как? Не когда? Не сколько подходов?

— Чтобы быть в форме.

— В какой?

— В нормальной.

— Ты и так нормальный.

Сергей повернул голову и посмотрел на неё. Маше было одиннадцать, и она ещё могла произносить такие фразы без издевательства. Просто факт. Ты и так нормальный.

— Нормальным мало быть.

Маша моргнула.

— А кем надо?

Сергей не ответил сразу. Вот оно. Вопрос на кухню, в отцовскую квартиру, в ресторан, в школьный коридор, в зеркало, в его собственный желудок. Кем надо? Министром? Владелец? Победителем? Мужиком, который заказывает воду определённой температуры и не смотрит на цены? Мужем, которым жена не устала гордиться?

— Собранным, — сказал он наконец.

— Как конструктор?

— Типа того.

— У меня робот собранный, но у него всё равно голова отваливается.

— Спасибо за мотивацию.

Маша улыбнулась. Потом зевнула так широко, что акула в её руках будто тоже захотела спать.

— Мы сегодня поедem за кроссовками?

Сергей посмотрел на телефон. 6:23. До встречи с Денисом пять с половиной часов. До торгового центра — полчаса туда, час магазины, полчаса обратно. Можно успеть. Нормально можно успеть. Эффективный мужчина успевает. Новый мужчина планирует.

— Поедем, — сказал он. — Только после завтрака. И без долгих кругов, ладно? Сразу выбираем.

Маша сдулась почти незаметно. Взрослый мог бы не заметить. Сергей заметил, но сделал вид, что нет. Потому что если заметил — надо что-то делать. А что делать?

— Ладно, — сказала Маша.

— Маш.

— Что?

— Выберем нормально. Какие хочешь.

— Правда?

— В пределах разумного.

— Понятно.

Вот это «понятно» было Танино. Не по крови даже, а по женской линии семейного разочарования. Передаётся от матери к дочери через интонацию, взгляды и совместное наблюдение за мужчиной, который пытается быть хорошим, но всё время оставляет себе лазейку.

Маша ушла. Сергей выключил видео, не дойдя до конца. Парень на экране застыл в улыбке на паузе. Даже замерший он выглядел лучше Сергея.

Таня проснулась в семь. Вышла на кухню, увидела чистый стакан на сушилке, коврик в комнате, Сергея в спортивной футболке и Машу, которая сидела за столом и рисовала акуле очки в тетради.

— У нас кто-то умер? — спросила Таня.

— Очень смешно, — сказал Сергей.

— Я просто уточняю. Обычно такие изменения либо после смерти, либо после корпоратива.

— После встречи выпускников.

— А. Тогда почти смерть.

Она налила чай, открыла холодильник, достала сыр, масло, контейнер с вчерашними котлетами. Сергей ел овсянку. Не потому что любил. Потому что в одном из ночных запросов прочитал, что успешные люди едят что-то простое, полезное и не спорят с утра с майонезом. Овсянка была серая, липкая и выглядела как каша, которая уже потеряла надежду. Получилось дороже и всё равно грустно.

— Ты это зачем ешь? — спросила Таня.

— Полезно.

— С каких пор?

— С сегодняшнего.

— Поздравляю сегодняшнее.

Маша прыснула. Сергей хотел обидеться, но удержался. Новый мужчина не обижается на семью за то, что она не успевает хлопать в ладоши при каждом его рывке. Новый мужчина понимает: доверие надо вернуть делом.

— У меня в двенадцать встреча, — сказал Сергей.

Таня поставила чашку на стол.

— Какая встреча?

— С Денисом. Тем самым. Одноклассником.

— С тем, после которого у тебя ночью началась перестройка организма?

— Тань.

— Что?

— Нормальная встреча. Поговорить.

— О чём?

— Есть одна тема.

Таня закрыла глаза. Не театрально. Просто на секунду. Как человек, которому в череп положили холодную монетку.

— Господи.

— Что «господи»?

— Ничего. Просто я очень люблю фразы «есть одна тема». Особенно от людей, которые вчера появились из прошлого в дорогом пиджаке.

— Ты его не знаешь.

— Я тебя знаю.

— И что?

— А то, что у тебя сейчас лицо как у человека, которому пообещали вернуть молодость, если он отдаст предоплату.

Маша подняла голову от тетради.

— Папа, тебе вернут молодость?

— Ешь бутерброд, — сказал Сергей.

— Я не хочу молодость, — сказала Маша. — Там школа.
— Умный человек, — сказала Таня.

Сергей встал, пошёл к раковине, помыл тарелку сразу, с нажимом. Тарелка была ни при чём, но кому-то же надо было отвечать за эту кухонную атаку. Он почувствовал, что новая жизнь начинает покрываться трещинами уже к семи двадцати. Неплохая скорость. Семья могла бы добавить: иногда убивает попытка ускориться прямо в тапках.

— Мы успеем за кроссовками до двенадцати, — сказал он, не оборачиваясь.

— Серёж, не надо как логистическую операцию.

— А как надо?

— Нормально.

— Что значит нормально?

— Чтобы она не чувствовала, что её впихнули между твоей овсянкой и Денисом.

Он обернулся.

— Я пытаюсь всё успеть.

— Ты всегда всё пытаешься успеть. Только почему-то люди рядом с тобой всё равно чувствуют себя опозданием.

Маша сделала вид, что очень занята акулой. Дети, когда взрослые ссорятся, часто становятся микроскопическими. Сидят, дышат тише, двигают карандашом, будто их нет. Сергей увидел это и снова промолчал. Уже второй раз за утро. Иногда они похожи.

В торговый центр они приехали к десяти. Субботний тор-

говый центр был отдельным видом ада, созданным для проверки семей на прочность. У входа пахло кофе, духами, мокрыми куртками и надеждой распродажи. Люди текли по галереям с пакетами, детьми, колясками, лицами охотников и жертв одновременно. Где-то наверху пел динамик. Витрины блестели. Манекены стояли в позах людей, которые никогда не платили коммуналку. Часы сами лезли в глаза.

— В этот магазин? — спросил он.

— Можно.

— Тебе какие нужны? Белые? Чёрные? Для школы? Для физры?

— Не знаю.

— Маш, ну мы же не просто гуляем. Давай определяться.

Она остановилась у витрины. Там стояли кроссовки — белые с зелёной полоской, светло-синие, розовые, какие-то серебристые, похожие на обувь маленького космонавта из богатой семьи. Маша смотрела на светло-синие.

— Эти красивые, — сказала она.

Сергей посмотрел на цену. Цена посмотрела на него в ответ и тихо засмеялась.

— Они быстро испачкаются.

— Я буду аккуратно.

— Ты вчера носок в коридоре потеряла.

— Это другое.

— Конечно.

Он услышал себя со стороны и сам себе стал противен.

Не очень. Не до покаяния. Так, на уровне мелкой бытовой гадливости. Мужчина, который ночью писал «Не сидеть», утром спорит с ребёнком о светло-синих кроссовках, потому что они быстро испачкаются. Вот она, судьба.

— Ладно, меряй, — сказал он.

Маша посмотрела на него осторожно.

— Правда?

— Правда.

Продавец принёс размер. Маша села на пуфик, сняла старые кроссовки. Один носок был с маленькой дыркой возле большого пальца. Сергей увидел дырку и почему-то почувствовал стыд, будто весь торговый центр сейчас наклонится и скажет: смотри, отец, у ребёнка носок с дыркой, а ты рассуждаешь про своё дело. Потом вспомнил, что нормальные люди не превращают каждую дырку в обвинительный акт.

Маша надела светло-синие кроссовки, встала, прошлась перед зеркалом. У неё изменилось лицо. Совсем чуть-чуть. Не счастье из рекламы. Просто она увидела себя в новой версии. Детям для этого много не надо. Новая обувь, новая ручка, новая заколка, и ты уже чуть-чуть другой человек.

— Удобно? — спросил Сергей.

— Очень.

— Не жмут?

— Нет.

— Побегай.

— Пап.

— Ну чуть-чуть.

Она пробежала два метра и вернулась, смущённая, но довольная. Продавец улыбнулся. Сергей посмотрел на цену ещё раз. Внутри поднялся старый бухгалтер с красной ручкой и начал: дорого, можно найти дешевле, через три месяца вырастет нога, синие испачкаются, белые практичнее, скидка на соседней полке. Но рядом стояла Маша.

— Берём, — сказал Сергей.

Маша не сразу поверила.

— Серьёзно?

— Да. Только носки ещё возьмём. У тебя палец почти наружу вышел, как узник совести.

Она засмеялась. Вот ради этого, оказывается, можно было переплатить. Не ради кроссовок. Ради её смеха, который вылетел легко, без проверки атмосферы. Сергей даже почувствовал что-то похожее на гордость. Потом телефон завибрировал.

Денис: «Буду на месте через 40 минут. Кофейня “Республика зерна”. Там тихо. Есть что обсудить».

Сергей посмотрел на время. 11:13. До кофейни двадцать пять минут без пробок. Оплата, носки, парковка, дорога. Можно успеть, если сейчас двигаться. Он поднял глаза. Как человек, которому доверили не носки, а внутренний флаг будущей недели.

— Маш, давай быстрее.

Она обернулась.

— Мы же только пришли.

— Я же говорил, у меня встреча.

Лицо у неё опять чуть сдулось. Не обида даже. Подтверждение. А, ну да. Всё как обычно. Папа хороший, пока не приходит время.

— Я быстро.

— Спасибо.

Он ненавидел себя за это «спасибо». Сухое, офисное, как письмо клиенту: «Спасибо за оперативность». Дочь выбирает носки. Не подрядчик. Не отдел снабжения. Дочь. Но он уже был не здесь. Он уже сидел напротив Дениса, заказывал кофе без сахара, слушал про «тему», держал лицо человека, который не боится.

В машине Маша держала коробку на коленях. Сергей хотел сказать что-нибудь хорошее. «Тебе правда идут». «Завтра наденешь?» «Покажешь маме?» Но телефон снова вибрировал, навигатор показывал пробки, впереди водитель на серой «Киа» тупил у выезда, и Сергей сказал:

— Пристегнись.

— Я пристегнулась.

— Хорошо.

— Пап.

— Что?

— А ты станешь кем-то?

Он чуть не нажал тормоз слишком резко. Машина дёрнулась.

— В смысле?

— Ну ты утром говорил, что нормальным мало быть. А кем тогда?

Он посмотрел на неё в зеркало заднего вида. Маша сидела с коробкой, серьёзная, в новых светло-синих кроссовках, ещё не испачканных, ещё верящих в мир.

— Не знаю, — сказал он.

Это была первая честная фраза за сутки. Она вылезла сама, без разрешения.

Маша подумала.

— А я хочу стать палеонтологом. Или человеком, который делает мультики. Или хозяйкой кафе для собак. Только туда можно будет и акулам.

— Акулы не собаки.

— Это дискриминация.

— Серьёзное обвинение.

— Я подумаю.

Он улыбнулся. На секунду в машине стало тепло. Не от печки. От этой ерунды. Палеонтолог, мультики, кафе для собак и акул. В мире Маши ещё можно было выбрать три жизни сразу и не чувствовать себя неудачником из-за того, что ни одна не началась. Сергей хотел удержаться в этой секунде.

Он привёз Машу домой в 11:52. Таня открыла дверь, посмотрела на коробку, на Машино лицо, на Сергея.

— Купили?

— Да, — сказала Маша. — Синие. Папа сказал, что мож-

но.

Таня перевела взгляд на Сергея. В этом взгляде была благодарность, но осторожная. Как бездомная кошка, которая подошла к миске, но ещё помнит, что люди иногда пинают.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо.

— Мне надо ехать, — сказал Сергей.

И благодарность сразу закрылась. Не хлопнула. Просто закрылась.

— Конечно.

— Тань, я ненадолго.

— Я ничего не сказала.

— Но лицом сказала.

— Серёж, тебе уже сорок почти. Если ты до сих пор споришь с лицами, я не знаю, чем помочь.

Он хотел сказать что-то резкое. Не сказал. Маша уже снимала старые кроссовки, доставала новые из коробки, щебетала акуле, что теперь они обе красивые. Сергей стоял в прихожей с ключами в руке и вдруг почувствовал, что уходит не на встречу.

— Я вернусь часа через два, — сказал он.

— Угу, — сказала Таня.

Маша махнула ему рукой из коридора, не отрываясь от кроссовок.

— Пока, пап.

— Пока, динозавр.

— Я не динозавр. Я акулий директор.

— Тем более.

Он вышел. На площадке опять увидел обезглавленного единорога. Теперь тот казался не эмблемой подъезда, а предупреждением: блестящие существа плохо переносят быт. Сергей нажал кнопку лифта. Потом приехал.

Кофейня «Республика зерна» находилась в новом деловом квартале, где всё было из стекла, бетона и уверенности. Там даже урны выглядели богаче некоторых людей. Сергей припарковался на платной парковке, посмотрел на стоимость часа и сказал вслух:

— Да чтоб вы подавились.

Паркомат промолчал. У него, в отличие от людей, была чёткая бизнес-модель.

Внутри кофейни было тихо и дорого. Не роскошно, нет. Роскошь кричит. Дорогое место молчит так, что тебе самому хочется говорить тише и зарабатывать больше. За стойкой парень с татуировкой на шее обсуждал с девушкой в очках кислотность зерна. Сергей всю жизнь думал, что кислотность бывает у желудка, почвы и характера начальника, но теперь, видимо, ещё и у кофе.

Денис уже был там. Конечно, был. Сидел в углу, спиной к стене, лицом к залу. Перед ним ноутбук, чашка, стакан воды, телефон экраном вниз.

— Лис, — Денис встал, пожал ему руку. Рука сухая, тёплая, сильная. Не перекачанная. Просто рука человека, который давно не таскал пакеты из «Пятёрочки», но отлично тас-

кал людей за внутренние нитки. — Рад, что выбрался.

— Я не из колонии.

— Все мы из колонии, — сказал Денис. — Просто у некоторых забор красивее.

Сергей сел. Хорошая фраза. Слишком хорошая. Из тех, которые хочется запомнить, но стыдно, потому что понимаешь: тебя уже начали продавать тебе самому.

— Как семья? — спросил Денис.

— Нормально.

— Самое тревожное слово.

— Все сегодня против него сговорились?

— Потому что оно ничего не значит. “Нормально” — это когда человек ещё не умер, но уже перестал задавать вопросы.

Сергей посмотрел на него.

— Ты всегда так разговариваешь или только когда собираешься впарить “одну тему”?

Денис рассмеялся. Не обиделся. Это тоже было силой. Люди, которые не обижаются на уколы, опасны: они либо свободны, либо давно решили использовать твою агрессию как бесплатную диагностику.

— Хорошо, — сказал он. — Без поэзии. Я собираю новый заход по складской и сервисной инфраструктуре для средних производителей. Не глянец. Не стартап для дураков. Реальная земля, реальные площади, реальные контракты. Малый промышленный пояс вокруг города. Поставки,

хранение, быстрый сервис, комплектующие, оборудование. У тебя опыт в продажах и понимание этой скучной железной кишки, которую айтишники не видят, потому что там нет презентаций с единорогами. Мне нужен человек, который умеет разговаривать с заводскими, снабженцами, директорами, подрядчиками. Не мальчик из бизнес-школы. Свой. Но не тупой.

Сергей молчал. Впервые за сутки речь Дениса звучала не как понт, а как конкретика. Железо. Склады. Снабженцы. Директора. Подрядчики. Всё то, в чём Сергей правда разбирался. Не мечта с неба. Не крипта. Просто поднятый выше, вычищенный, обрамлённый, названный возможностью.

— И что от меня? — спросил Сергей.

— Сначала мозги. Контакты. Карта рынка. Понимание, где боль, где деньги, где вход. Потом, если пойдём дальше, доля в операционке. Не подарочная. Рабочая. Нужно будет пахать.

— Я умею пахать.

— Вопрос не в этом. Пахать умеют многие. Вопрос, умеешь ли ты пахать не на чужой страх.

Сергей усмехнулся.

— Это как?

Денис откинулся на спинку кресла.

— В найме человек часто работает, чтобы его не трогали. Чтобы не уволили, не унизили, не сказали, что он слабый. Он закрывает план не потому, что хочет вырасти, а потому

что боится просесть. Это разный двигатель. На страхе далеко не уедешь. На злости — можно. На интересе — лучше. На голоде — быстрее всего.

— Ты теперь бизнес-тренер?

— Боже упаси. Я слишком люблю деньги, чтобы учить людей любить себя.

Сергей засмеялся. На этот раз честно. Денис тоже улыбнулся и подвинул к нему салфетку. На салфетке ручкой была нарисована схема: город, промзоны, стрелки, склады, сервисные точки, клиенты. Почерк быстрый, уверенный, некрасивый. Сергей наклонился. Сначала просто из вежливости. Потом ближе. В схеме было что-то. Не готовая империя, не «сейчас мы порвём рынок», но логика. Он видел эти дырки годами. Денис положил шум на салфетку, и тот вдруг стал картой.

— Почему я? — спросил Сергей.

— Потому что ты знаешь этот рынок снизу.

— Таких много.

— Нет. Много тех, кто в нём работает. Мало тех, кто его ненавидит достаточно точно.

— С чего ты взял, что я ненавижу?

— У тебя лицо такое было вчера, когда ты сказал “руководитель отдела”. Как будто сам себе штраф выписал.

Сергей откинулся назад. Попал. Снова. У Дениса был талант бросать фразы не в человека, а в заранее отмеченные места. Как будто он видел на теле чужого самолюбия малень-

кие красные мишени.

— Может, я просто устал.

— Конечно устал. Все устали. Усталость — самый приличный способ не говорить “мне стыдно”.

Сергей хотел возразить, но горло сжалось. В кофейне кто-то смеялся у стойки. За окном шёл мужчина в дорогом пальто, разговаривал по телефону и злился так, будто имел на это бюджет. Сергей подумал о Маше в новых кроссовках. О Тане у двери. Об овсянке. О записи «Встать».

— Допустим, — сказал он. — Что дальше?

Денис положил на стол тонкую папку. Чёрную. Матовую. Даже папка выглядела так, будто у неё был личный водитель.

— Посмотри. Пока без обязательств. Там вводные, предварительные цифры, список потенциальных клиентов, модель. Я хочу за две недели собрать рабочую карту и понять, кого берём в первый круг. Если тыходишь, тыходишь не как мальчик на побегушках. Но и не как турист. Мне нужен человек, который будет отвечать за часть рынка.

— А деньги?

Денис кивнул, будто ждал вопроса и уважал его.

— Сначала время. Потом небольшое участие, чтобы у тебя кожа была в игре. Без этого ты будешь советником. А советники — это люди, которые красиво говорят и ничем не рискуют.

— Небольшое — это сколько?

Денис назвал сумму.

Сергей не изменился в лице. Ему удалось. Он даже взял чашку и сделал глоток американо. Кофе был горький, мерзкий, взрослый. Сумма была не катастрофическая. Но и не «нашёл в куртке после зимы». Это были деньги, которые дома имели имена. Ремонт. Подушка. Машины кружки и кроссовки на год вперёд.

— Понял, — сказал Сергей.

— Не отвечай сейчас.

— Я и не собирался.

— Хорошо. Значит, ещё не совсем идиот.

— Спасибо за доверие.

— Лис, я не благотворитель. И не друг детства с гармошкой. Мне правда нужен человек с твоим опытом. Но мне нужен не тот, который вчера стоял у мха и пытался выглядеть спокойным. Мне нужен тот, который когда-то смотрел на мир так, будто собирается его вскрыть консервным ножом.

Сергей посмотрел на папку. Потом на Дениса.

— Ты красиво лечишь.

— Я не лечу. Я предлагаю болезнь подороже.

Вот за это его можно было уважать. Не любить, нет. Любить таких людей опасно, они потом выставляют счёт. Но уважать — можно. Он хотя бы не притворялся добрым.

Сергей взял папку.

— Я посмотрю.

— Посмотри. И ещё. Не рассказывай пока всем подряд. Особенно дома, если дома сначала пугаются, потом убивают.

— Это ты сейчас семью назвал помехой?

— Я назвал страх помехой. Семья часто просто первая его озвучивает.

Сергей встал. Внутри уже шумело. Не громко. Как трансформаторная будка. Там, где утром была серая овсянка, теперь стояла чёрная папка. Там, где была светло-синяя детская обувь, теперь была сумма.

— Я тебе напишу, — сказал Сергей.

— Нет, — сказал Денис. — Ты себе сначала напиши. Мне потом.

На улице стало светлее. Сергей вышел из кофейни, держа папку под мышкой. Город шумел, машины ехали, люди несли пакеты, кто-то целовался у перехода, кто-то матерился на самокатчика, кто-то жил без всякого отношения к его будущему. И это было обидно. Когда у тебя внутри начинается исторический момент, хочется, чтобы мир хотя бы на секунду притормозил, снял шапку, сказал: ну что, Серёга, начинается?

Сергей сел в машину. Положил папку на пассажирское сиденье. Пристегнулся. Завёл двигатель. Телефон мигнул сообщением от Тани: «Маша весь день ходит в новых кроссовках по квартире. Довольная. Спасибо».

Он прочитал. Улыбнулся. Почувствовал тепло. Потом посмотрел на папку.

И тепло сразу стало мешать.

Глава 4. Деньги, у которых были имена

Чёрная папка на пассажирском сиденье выглядела так, будто Сергей вёз не бумаги, а маленькое преступление в хорошем переплёте. Она лежала рядом спокойно, матовая, тонкая, уверенная, без всякой этой семейной суеты: не просила пить, не спрашивала, где новые носки, не говорила «ты опять в телефоне», не напоминала про лекарства отцу, не дышала ночью спиной к нему. Просто лежала и обещала. Мужчины вообще часто попадают не на деньги, не на женщин, не на власть, а на обещание: там, дальше, за поворотом, ты наконец станешь не этим усталым типом за рулём, который матерится на парковку, а тем, кого в тебе когда-то авансом видели учителя, мать, отец и ты сам в семнадцать лет, когда ещё не знал, что взрослую жизнь можно прожить как длинную очередь к окну, где в конце говорят: «Документов не хватает».

Сергей ехал домой и старался не смотреть на папку. Это было невозможно. Она попадала в боковое зрение. Чёрная, деловая, как гробик для сомнений. На светофоре он всё-таки положил на неё ладонь. Бумага под пальцами была плотная, дорогая. Не офисная пачка из их «Техноснаба», где листы всегда чуть серели, как лица менеджеров к концу месяца.

Тут всё было другое. Бумага говорила: нас печатали люди, которые не покупают картридж «совместимый». На обложке ничего не было. Денис умел продавать даже отсутствие текста.

Телефон лежал в подстаканнике. Сообщение от Тани всё ещё светило в голове: «Маша весь день ходит в новых кроссовках по квартире. Довольная. Спасибо». Сергей хотел ответить что-нибудь нормальное. «Рад». «Пусть носит». «Целую». Но каждое слово казалось либо сухим, либо слишком тёплым, а слишком тёплое сегодня почему-то мешало. Он набрал: «Класс». Посмотрел. Стер. Набрал: «Хорошо». Стер. Почти древнегреческая трагедия, только с плохой клавиатурой.

Дом встретил его запахом жареного лука. Это был опасный запах. Он умел вытаскивать человека из любых стратегий. Можно думать о доле, складах, сервисной инфраструктуре, промышленном поясе, а потом открыть дверь и получить в лицо жареный лук, и всё — ты снова мужик в прихожей, которому надо снять ботинки, не наступить на пакет с мусором и ответить, будешь ли ты гречку. На полу возле входа стояли Машины новые кроссовки. Светло-синие. Она поставила их отдельно от всей обуви, как маленьких породистых зверьков. На одном уже была крошечная тёмная точка. Сергей увидел её и хотел сказать: «Я же говорил, испачкаются». Не сказал.

— Папа пришёл! — крикнула Маша из комнаты.

Он снял куртку, быстро сунул папку под мышку и пошёл в спальню, как будто она была просто вещью. Просто папка. Просто бумаги. Просто чёрный прямоугольник, из-за которого у него уже двадцать минут пульс держался в районе «сейчас начну новую жизнь или врежусь в автобус».

Таня стояла на кухне у плиты, помешивала что-то в сковородке. На ней был домашний халат цвета усталого баклажана, волосы собраны в пучок карандашом, на лице выражение женщины, которая уже прожила половину субботы, пока муж ездил «на часик поговорить». Она не повернулась сразу. Это тоже была их семейная азбука. Если Таня встречала у двери — нормально. Если кричала из кухни — устала.

— Вернулся? — сказала она.

— Ага.

— Ненадолго, я смотрю.

— Задержался чуть.

— Чуть — это хорошее слово. Резиновое.

— Тань.

— Что?

— Мы просто разговаривали.

Она повернулась. Посмотрела сначала на него, потом на папку под мышкой. Не спросила сразу. Просто зафиксировала. Как бухгалтер фиксирует странную операцию по счёту: пока не обвиняем, но пометку поставили.

— Это что?

— Материалы.

— По той самой теме?

— Да там пока ничего серьёзного. Посмотреть.

— Угу.

Он почти физически почувствовал это «угу» на коже. Как холодную монету за воротник.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я спросила, что это.

— По голосу уже всё понятно.

— Серёж, если у тебя по каждому моему голосу судебная экспертиза, может, ты просто сам заранее знаешь, что делаешь что-то мутное?

Маша влетела на кухню в новых кроссовках. Сначала в одном, потом во втором, потому что в коридоре поскользнулась на пакете и чуть не стала первой жертвой собственной обновки.

— Смотри!

— Ого, — сказал Сергей. — Уже почти космос.

— Я решила, что они для важного.

— Для какого?

— Пока не знаю. Но когда будет важное, я буду готова.

Вот это было правильное отношение к обуви. Не как у взрослых: купить и сразу начать бояться грязи, потёртостей, переплаты и чужих взглядов. У ребёнка всё проще: вещь нужна для будущего чуда. Сергей посмотрел на её светло-синие кроссовки и вдруг подумал, что у него в руках такая же коробочка, только взрослая. Чёрная, дорогая, без шнурков.

— Только дома в них не ходи весь день, — сказала Таня.

— Полы грязные.

— Они же новые.

— Именно поэтому.

— Мам, ты не понимаешь. Они должны привыкнуть ко мне.

— Кроссовки адаптируются?

— Конечно.

— Тогда пусть адаптируются у коврика.

Маша закатила глаза. Получилось плохо, слишком детски, но намерение было взрослое. Она ушла с видом человека, чью инновационную обувную концепцию зарубили на ранней стадии. Сергей улыбнулся. Таня тоже, но краем губ. Потом папка под мышкой снова потяжелела.

— Я уберу, — сказал он.

— Папку?

— Да. Потом посмотрю.

— Ты есть будешь?

— Буду.

— Или ты теперь питаешься возможностями?

— Если бы ими можно было наестся, я бы уже был жирным.

Таня усмехнулась. Не простила, но усмехнулась. В браке иногда это максимум милосердия на текущий час.

Он отнёс папку в спальню и положил не на стол, а в нижний ящик комода. Не спрятал. Просто убрал. Разница бы-

ла огромная, если очень хотеть себя обмануть. Спрятать — это когда виноват. Убрать — это когда порядок. Сергей даже сверху положил старую футболку, которую носил на даче. Не чтобы скрыть. Просто потому что футболке тоже где-то надо лежать. Он закрыл ящик и на секунду задержал ладонь на ручке. Внутри что-то тихо щёлкнуло. Не замок.

За ужином Таня поставила гречку, котлеты, салат из огурцов и помидоров. Обычная еда. Не ресторанная, без фермерского масла из трав и томатов с биографией. Просто гречка, которая не задавала вопросов. Сергей ел и чувствовал себя человеком, который вернулся из дорогого мира в дешёвый, хотя это было неправда. Он вернулся домой. Просто теперь дом показался ему не местом, а сравнением. Вчера ресторан. Сегодня клеёнка. Вчера Денис с лимоном отдельно. Сегодня Таня спрашивает:

— Ты отцу лекарства завёз?

Ложка остановилась у Сергея на полпути.

— Чёрт.

— Понятно.

— Я завтра завезу.

— Ты вчера сказал «завтра». Сегодня уже завтра.

— Значит, завтра будет второе завтра.

— Сергей.

— Я завезу, Тань.

— Он звонил мне.

— Почему тебе?

— Потому что тебе не дозвонился.

Сергей положил ложку. Телефон был на беззвучном с утра.

— Что сказал?

— Спросил, всё ли у тебя нормально.

— С чего вдруг?

— Наверное, потому что ты обещал заехать и исчез.

— Я не исчез. Я был занят.

— Конечно.

— Что «конечно»?

— Ничего. Просто у нас сегодня день мужских важных дел. Кроссовки между ними чудом выжили.

Маша молча гоняла вилкой огурец по тарелке. Акула сидела рядом на табуретке, в салфетке, как пациент после операции. Сергей поймал себя на желании сказать: «Не при ребёнке». Удобная фраза.

— Я завтра утром съезжу к отцу, — сказал он.

— Утром у Маши английский.

— После английского.

— После английского ты хотел отчёт доделать.

— Сделаю вечером.

— Вечером ты будешь смотреть папку.

Он поднял на неё глаза.

— Тань, ну что ты хочешь?

— Чтобы ты хотя бы сам слышал, как это выглядит.

— Как?

— Как будто в нашей жизни всё время какие-то старые обязательства мешают твоему большому выходу.

Сергей почувствовал, как внутри начал подниматься жар. Не злость даже. Защита. Быстрая, привычная, как собака, которая бросается к двери раньше хозяина.

— Большому выходу? Ты сейчас серьёзно?

— Да.

— Я пытаюсь что-то изменить.

— Ты ещё даже не знаешь что.

— Для этого и смотрю.

— Нет. Ты не смотришь. Ты уже загорелся. Я вижу. У тебя глаза такие становятся, когда тебе кажется, что сейчас всё наконец объяснится: почему ты устал, почему недоволен, почему дома тесно, почему работа бесит. Потом оказывается, что виноват не ты, а просто жизнь была недостаточно масштабная.

— Я такого не говорил.

— Ты много чего не говоришь. Это не мешает жить с этим в одной квартире.

Маша тихо сказала:

— А можно я пойду?

И вот это было хуже любой ссоры. Ребёнок попросил разрешения уйти из семьи на время семейного ужина. Не из кухни даже. Из воздуха.

— Иди, — сказала Таня мягко. — Только тарелку отнеси.

Маша взяла тарелку, акулу, салфетку, чуть не уронила

вилку, поймала её животом, хихикнула сама себе и убежала. Сергей посмотрел ей вслед. На новых кроссовках уже была вторая тёмная точка. Нормально. Пусть пачкаются. Неживые стоят в витрине.

Таня села напротив него. Уже без ребёнка они могли ругаться честнее. Или наоборот, трусливее.

— Сколько? — спросила она.

— Что сколько?

— Не делай лицо табуретки. Сколько денег надо?

Он вздохнул.

— Пока ничего не надо.

— Пока.

— Да, пока.

— А потом?

— Мы ещё не обсуждали конкретно.

Это была не ложь, а её младший брат. Конкретно они как раз обсуждали. Сумма прозвучала. Но не было договора, подписи, обязательств. Значит, можно считать, что не обсуждали.

Таня смотрела на него. Долго. Без истерики. Таня вообще редко истерила. Это бесило.

— Серёж, я не против, чтобы ты менял работу, запускал проекты, рос, рисковал разумно. Я не твоя мама и не твой бухгалтер с плёткой.

— Иногда похоже.

— Да. Потому что ты иногда ведёшь себя не как взрослый

человек с планом, а как мальчик, которому на улице показали красивый велосипед, и он уже готов обменять на него зимнюю куртку.

— Спасибо.

— Я не хочу тебя обидеть.

— Очень незаметно.

— Я хочу, чтобы ты не путал шанс и наживку.

Сергей отодвинул тарелку. Есть больше не хотелось. Гречка осталась серой горкой, похожей на маленький карьер, где добывали тоску.

— Ты даже не знаешь, что там.

— А ты знаешь?

Он не ответил.

— Вот, — сказала Таня. — В этом и проблема.

Сергей встал, взял тарелку, понёс к раковине. Опять помыл сразу. Можно было подумать, что он стал лучше. На самом деле ему просто нужно было чем-то занять руки, чтобы не сказать гадость. Руки мыл тарелку, голова била посуду.

После ужина он всё-таки позвонил отцу. Это было рационально, правильно и почти невыносимо. Отец взял не сразу. На четвёртом гудке.

— Да.

— Пап, привет. Это я.

— Я вижу, что ты. У меня телефон пока буквы показывает.

— Таня сказала, ты звонил.

— Звонил.

— Я завтра лекарства завезу. Сегодня закрутился.

— Угу.

Семейное «угу» оказалось наследственным проклятием.

— Как давление?

— Как страна. То вверх, то врёт.

— Понял.

— Что понял? Ты врач?

— Пап.

— Ладно. Не начинай. Сам спросил.

В трубке что-то скрипело. Наверное, отец ходил по кухне. Или чинил очередную бессмертную табуретку. У него в квартире все вещи жили дольше, чем некоторые браки. Старый радиоприёмник, который ловил три станции и одну поустороннюю, табурет с перемотанной ножкой, чайник, у которого крышка садилась криво, но «ещё нормальный». Отец верил, что вещь надо добить до конца. Сергей иногда думал, что отец так же относился к людям.

— Ты чего пропал? — спросил отец.

— Не пропал. Встречи были.

— Какие встречи в субботу?

— С людьми.

— С людьми понятно. С собаками ты бы не встречался.

Сергей закрыл глаза.

— Пап, не надо.

— Что не надо? Я спросил.

— Я был на встрече выпускников вчера. Потом сегодня с одним человеком обсуждал работу.

— Какую работу?

— Возможность. Проект.

Отец помолчал. Вот это молчание было знакомое. В нём всегда слышалось, как внутри Виктора Петровича медленно открывается шкаф с инструментами для воспитания.

— Ты свою работу бросать собрался?

— Нет.

— Тогда зачем тебе проект?

— Чтобы развиваться.

— Куда?

Сергей сжал переносицу. Отец задавал простые вопросы так, будто стучал молотком по пальцам. Куда? Зачем? Сколько? Кто отвечает? На что жить будешь? А если не получится? Отцовская тревога приходила в рабочей одежде заботы и пачкала всё вокруг.

— Пока смотрю, — сказал Сергей.

— Смотри глазами, деньги не суй.

— Я не идиот.

— Идиоты редко заранее записываются. Обычно потом выясняется.

— Спасибо за веру.

— Вера в церкви. В жизни расчёт.

Сергей усмехнулся.

— У тебя всё просто.

— Потому что я жил, Серёг.

— А я, значит, нет?

— А ты всё собираешься.

Вот она. Без разгона. Без подготовки. Как гвоздь в мягкое место. Ты всё собираешься. Не живёшь. Не делаешь.

— Я завтра заеду, — сказал он сухо.

— Заезжай. Только без своих обид. Мне лекарства нужны, а не спектакль.

— До завтра.

— Угу.

Он сбросил вызов и какое-то время стоял в коридоре с телефоном в руке. Хотелось ударить им об стену. Не сильно, не по-настоящему. Так, чтобы телефон треснул, а вместе с ним треснуло что-нибудь в этой семейной системе, где каждый знает, кем он должен быть, кроме него. Отец должен быть колючим. Сергей — собираться.

Из комнаты Маши доносился её голос. Она говорила с акулой. Пониженным тоном, как ведущая серьёзной передачи.

— Сегодня у нас новый выпуск: акула идёт на работу. На работе её никто не уважает, потому что она без ног, но она всё равно молодец.

Сергей прислонился лбом к стене и почти засмеялся. Почти. Потом прошёл в спальню и достал папку из нижнего ящика. Футболка свалилась на пол. Он не поднял.

В папке были распечатки, схемы, таблицы, список по-

тенциальных клиентов, карта промышленных зон, предварительная модель расходов, прогнозы, какие-то договорённости на стадии «теплого контакта». Не космос. Не сказка. Не золотая кнопка с надписью «СТАТЬ КЕМ-ТО». Работа. Скучная, плотная, настоящая работа. От этого папка стала опаснее.

Он сел на край кровати и начал читать. Через десять минут достал ручку. Через пятнадцать уже ставил пометки. Через двадцать ругнулся вслух, потому что увидел дыру в расчётах по логистике. Денис просчитался или сделал вид, что просчитался, чтобы Сергей нашёл и почувствовал себя нужным. Сергей не знал, какой вариант хуже. Написал на полях: «Сезонность. Запас. Сервисная зона не меньше 40 км». Подчёрк у него стал резким, живым. Он давно так не писал. На работе он в основном правил чужие коммерческие предложения, ставил галочки, пересылал письма, говорил «коллеги, давайте ускоримся».

Таня вошла без стука. Остановилась в дверях.

— Ты серьёзно сейчас?

— Что?

— Ты даже куртку толком не снял после дня, уже сидишь с этим.

— Я просто смотрю.

— Конечно.

— Тань, ну дай мне хотя бы разобраться.

— Я тебе не мешаю.

— Ты стоишь в дверях так, будто я наркотики фасую.

— Я пока не уверена, что разница большая.

Он хотел взорваться. Но в руке была ручка, на коленях бумаги, и, что хуже всего, ему действительно было интересно. Не только больно, не только стыдно, не только азартно. Интересно. Он увидел живую задачу. Не «докажи, что ты не лох», а конкретную дыру, которую можно закрыть мозгами. И это путало. Потому что если бы всё было чистым понтом, Таня была бы права полностью. Но там было дело. Или он очень хотел так думать.

— Смотри, — сказал он и протянул ей лист. — Тут не просто красивые разговоры. Есть рынок. Реальный. Я этих клиентов знаю. Они годами мучаются с одним и тем же: склад далеко, сервис тупит, поставщики обещают, потом пропадают. Это можно собрать иначе.

Таня не взяла лист.

— Я верю, что там может быть что-то разумное.

— Тогда в чём проблема?

— В тебе.

Он замолчал.

— Не потому что ты глупый. Не потому что не справишься. А потому что ты сейчас не из интереса смотришь. Ты из раны смотришь. А из раны люди плохо считают.

Фраза была тихая. Даже добрая. И именно поэтому Сергей её не вынес.

— Слушай, может, хватит уже этой кухонной психологии?

— сказал он. — Все всё про меня поняли. Лена поняла, ты поняла, отец понял. Может, мне самому дадите хоть что-то сделать, прежде чем вы меня похороните в семейной мудрости?

Таня побледнела не лицом, а глазами. Есть такой момент в ссоре, когда ты видишь: попал. И сразу становится не легче, а противнее.

— Делай, — сказала она. — Только не называй потом это «для нас», если сначала делаешь против нас.

Она вышла. Не хлопнула дверь. Чёртова взрослая женщина. Хлопнула бы — было бы проще.

Сергей сидел с ручкой в руке. Бумаги на коленях больше не казались делом. Они опять стали папкой. Просто папкой. Чёрной. Тихой. Слишком довольной собой.

Он встал, пошёл в кухню. Таня стояла у окна. Маша в комнате смеялась над чем-то в телефоне или над акулой, не разобравшись. Сергей остановился в дверях кухни.

— Я не хотел.

— Хотел, — сказала Таня, не оборачиваясь. — Просто не заранее.

Он помолчал.

— Прости.

Она кивнула. Не повернулась.

— Я боюсь не того, что ты попробуешь, Серёж. Я боюсь, что ты опять начнёшь доказывать кому-то свою ценность, а платить будем мы.

Он хотел подойти, обнять её за плечи. Раньше иногда это работало. Не как решение, а как перемирие тел. Но сейчас он стоял и не двигался. Потому что в руках у него ничего не было. Ни правильных слов, ни уверенности, ни честного плана. Только папка в спальне и желание, чтобы жена одновременно не мешала, верила, страховалась, восхищалась, не задавала вопросов и в случае провала сказала: ничего страшного, любимый, зато ты попробовал. Всего-то быть матерью, инвестором, фанаткой, психологом и аварийной службой в одном лице.

— Я буду аккуратно, — сказал он.

— Самая опасная фраза после «я контролирую».

— Я правда.

— Сергей.

— Что?

— Сколько?

Он молчал. Слишком долго. И этим уже ответил.

Таня наконец повернулась.

— Понятно.

— Я ещё ничего не решил.

— Но сумму уже знаешь.

— Это предварительно.

— Сколько?

Он назвал. Не всю. Почти всю. Минус та часть, которую можно было объяснить как «потом, если пойдёт». Математика лжи: убрать хвост, чтобы зверь казался меньше.

Таня закрыла глаза. Постояла так пару секунд. Потом открыла.

— Это наша подушка.

— Не вся.

— Серёж.

— Не вся. И я не говорю, что возьму.

— Но уже считаешь, как взять.

Он хотел возразить. Не смог.

— Я хочу хотя бы рассмотреть.

— Рассматривай. Только рядом с цифрами поставь имена.

— В смысле?

— Не «сумма». А «ремонт». «Машин лагерь». «Твой отец». «Наш отпуск». «Три месяца спокойствия, если тебя сократят». Деньги в семье не лежат безымянными. У них уже есть работа. Ты хочешь их уволить и отправить к Денису.

Сергей усмехнулся, потому что фраза была смешная. Потом не усмехнулся, потому что она была точная.

— Ты умеешь портить красивые схемы.

— Я бухгалтер. Это моя работа.

— Ты финансовый специалист.

— Когда злюсь, я бухгалтер.

Они впервые за вечер почти улыбнулись одновременно. Почти. Потом момент прошёл.

— Я не дам ответ без тебя, — сказал Сергей.

Таня посмотрела на него так, будто хотела поверить, но уже знала, что вера — это не чувство, а риск.

— Не без меня, — сказала она. — Без нас.

Он кивнул.

— Хорошо. Без нас.

Но когда позже, уже ночью, Таня уснула, Маша перестала шуршать в комнате, кухня остыла, кроссовки стояли у коврика как два светло-синих свидетеля, а отец прислал сухое «не забудь утром», Сергей снова достал папку. Не потому что собирался решать. Нет. Просто посмотреть ещё один лист. Просто дописать одну мысль. Просто проверить цифры.

Он открыл таблицу на телефоне. Вбил сумму. Потом рядом, как сказала Таня, начал писать имена. «Ремонт». «Маша». «Отец». «Отпуск».

Сергей долго смотрел на экран. Потом ниже добавил новую строку: «Я».

И вот эта строка оказалась самой дорогой.

Глава 5. Табурет

Утром Сергей проснулся не от будильника, а от чувства, что внутри него кто-то уже сидит за столом и проверяет документы. Это было хуже будильника. Будильник хотя бы можно выключить. А внутреннего проверяющего не выключишь. Он приходит без стука, раскладывает на столе вчерашние слова, суммы, чужие лица, Танину фразу про деньги с именами, отцовское «ты всё собираешься», Денисову папку, Машины кроссовки, и начинает водить пальцем: здесь не сходится, здесь врёшь, здесь опять хочешь казаться, здесь сам не знаешь, чего хочешь, зато уже готов двигать людей как мебель. Сергей лежал на спине и смотрел в трещину у люстры. Трещина за ночь не выросла, но стала выразительнее. Бывают такие вещи: живут с тобой годами, молчат, а потом однажды оказываются точнее любого психотерапевта. Вот потолок, вот трещина, вот ты. Не обвалился. Не рухнул. Просто пошёл тонкой линией в сторону.

Таня уже не спала. На её половине кровати лежала вмятина, а самой Тани не было. Из кухни доносились звуки воскресенья: ложка о чашку, вода в чайнике, дверца холодильника, короткий Машин смех. У нормальных людей воскресенье пахнет блинами, чистым бельём и возможностью ничего не делать. У Сергея воскресенье пахло лекарствами, отцовской квартирой и чёрной папкой, которую он вчера опять

спрятал в нижний ящик, как будто если вещь не лежит на виду, то и решение не лежит на совести.

Он встал, умылся, посмотрел в зеркало. Лицо было помятое. Не трагическое, нет. Просто лицо мужчины, который спал рядом с женой, а думал о чужих деньгах. Щетина торчала клочьями, под глазами тени, волосы стояли так, будто ночью они тоже спорили с отцом и проиграли. Сергей провёл ладонью по лицу, наклонился ближе к зеркалу и вдруг увидел в себе Виктора Петровича. Не полностью. Чуть-чуть. В складке между бровей.

На кухне Маша ела хлопья и болтала ногой в новом светло-синем кроссовке. Один кроссовок был на ноге, второй стоял рядом с тарелкой, как почётный гость. Таня делала вид, что это не замечает.

— Доброе, — сказал Сергей.

— Доброе, — сказала Таня.

— Пап, смотри, — Маша подняла ногу. — Я проверяю, удобно ли в них завтракать.

— И как?

— Хлопья стали вкуснее.

— Значит, обувь рабочая.

Таня поставила перед ним чашку. Без комментария. Это был хороший знак. Не мир, но временное прекращение огня. Чашка была та самая, ручной работы, тёмно-зелёная, неровная, с маленькой впадиной у края. Сергей раньше считал, что такие кружки делают люди, которые не умеют делать ровные,

но научились называть это характером. Ещё одна маленькая победа, невидимая для истории человечества.

— Во сколько к отцу? — спросила Таня.

— Сейчас допью и поеду.

— Лекарства на тумбочке в коридоре. И пакет с творогом.

Он просил.

— Творог?

— Да.

— Он же говорил, что творог — еда для людей, которые сдались.

— Видимо, давление победило идеологию.

Маша засмеялась. Сергей тоже. Ненадолго. Потом телефон завибрировал. Денис. «Как папка?» Сергей перевернул телефон экраном вниз, но Таня успела увидеть движение. Не сообщение. Движение. Женщины в браке не читают переписку. Им достаточно увидеть, как ты положил телефон. Иногда брак — это двадцатилетнее обучение чтению чужих микропозоров.

— Можешь ответить, — сказала она.

— Потом.

— Конечно.

Сергей взял пакет с лекарствами, пакет с творогом, ключи, телефон. В прихожей Маша догнала его с плюшевой акулой.

— Передай дедушке, что акула желает ему давления вниз.

— Давление вниз — это тоже не всегда хорошо.

— Тогда нормального.

— Передам.

— А он опять будет говорить, что я должна учиться на инженера?

— Скорее всего.

— Скажи ему, что акулы не становятся инженерами.

— Почему?

— У них руки короткие.

— Веский аргумент.

Маша кивнула серьёзно. Потом вдруг спросила:

— Пап, а дедушка думал, что ты станешь кем-то?

Сергей застыл с ключами в руке. Таня на кухне перестала греметь посудой. Тишина получилась маленькая, но густая, как капля сиропа на столе.

— Дедушка много чего думал, — сказал Сергей.

— А ты?

— А я еду к дедушке.

— Это не ответ.

— Ты стала слишком умная после новых кроссовок.

— Я и до них была.

Он поцеловал её в макушку, вышел и закрыл дверь. На площадке обезглавленный единорог снова смотрел на него телом без головы. Сергей показал ему пакет с творогом.

— Не начинай, — сказал он.

Лифт, как всегда, ехал долго. Внутри пахло сыростью, чьим-то одеколоном и старой газетой, хотя газет уже никто

не читал. На зеркальной стенке кто-то пальцем нарисовал смешное лицо с рогами.

Отец жил в старой девятиэтажке на другом конце района. Дом был из тех, которые не старели красиво, а просто держались из упрямства. Серые панели, балконы с разными судьбами, спутниковые тарелки, пластиковые окна вперемешку с деревянными рамами, лавочка у подъезда, где две бабки сидели так, будто их наняли следить за моральным состоянием всех жильцов. Сергей припарковался у мусорных баков, взял пакеты и пошёл к подъезду. Одна бабка посмотрела на него, на пакеты, на машину, потом снова на него.

Отец открыл не сразу. За дверью сначала что-то упало, потом послышалось: «Да иду я, иду, не пожар». Сергей стоял с пакетами и вспоминал, как в детстве этот же коридор казался ему длинным, а отец — большим. Не высоким даже. Большим. Как шкаф, который умеет говорить. Теперь дверь открылась, и на пороге стоял Виктор Петрович в старых тренировочных штанах, клетчатой рубашке и тапках, один из которых был надорван сбоку, но явно ещё не заслужил выбрасывания. Отец похудел. Или сжался. Или Сергей просто давно не смотрел внимательно.

— Ну, заходи, раз пришёл, — сказал отец.

— Привет.

— Привет-привет. Чего такой торжественный? Лекарства принёс или повестку?

— Творог.

— А, значит повестка хуже.

Квартира пахла старой мебелью, лекарствами, пылью в книгах и чем-то металлическим, как будто здесь годами точили не ножи, а характер. На кухонном столе лежала разобранная дверная ручка, отвёртка, кусок наждачной бумаги и таблетки в блистере. В углу стоял тот самый табурет. Ножка перемотана изолентой, сиденье треснуло, но сверху лежала новая фанерка, аккуратно вырезанная, ещё светлая. Отец был в процессе ремонта. Конечно.

— Ты опять этот табурет мучаешь? — спросил Сергей, ставя пакеты на стол.

— Он меня мучает. Я отвечаю.

— Его проще выбросить.

Отец посмотрел на него так, будто Сергей предложил выбросить паспорт, Родину и здравый смысл в одном пакете.

— Проще — это для слабых.

— Пап, это табурет.

— Вот именно. Если мужик табурет починить не может, чего он вообще может?

Сергей снял куртку. Фраза была такая отцовская, что даже воздух в кухне выпрямился по стойке смирно.

— Можно я хотя бы кофе сделаю, прежде чем ты начнёшь экзамен по табуретам?

— Кофе тебе вредно. Нервный и так.

— Спасибо. А тебе творог полезно. Смирись.

Отец фыркнул, но пакет взял. Достал лекарства, стал изу-

чать, хотя сам же просил именно эти. Виктор Петрович всегда проверял то, что ему приносили. Не потому что не доверял конкретно Сергею.

— Эти дорогие, — сказал отец.

— Нормальные.

— Можно было дешевле найти.

— Пап.

— Что пап? Я деньги считать умею.

— Это мои деньги.

— Вот именно. Тебе их тоже считать надо.

Сергей включил чайник. На подоконнике стоял старый радиоприёмник. Тот самый. Серая коробка с облупившейся ручкой, антенной, перемотанной скотчем, и шкалой, где названия станций давно стёрлись. В детстве Сергей думал, что внутри него живут маленькие люди, которые говорят из разных городов. Отец однажды раскрутил крышку, показал плату и сказал: «Нет там никаких людей. Контакты, катушки, пайка. Всё объяснимо». Сергей тогда расстроился. Не сильно, но запомнил. Взрослые вообще часто убивают чудеса не ножом, а отвёрткой.

— Он ещё работает? — спросил Сергей, кивая на приёмник.

— А чего ему не работать?

— Ему лет сорок.

— Мне шестьдесят шесть, я тоже работаю.

— Ты на пенсии.

— Пенсия — это не смерть. Хотя государство старается.

Сергей налил себе кофе растворимого, отцу чай. Отец сел за стол, подвинул дверную ручку, будто освобождал место для разговора, но оставлял инструмент на случай обороны.

— Ну, рассказывай, — сказал Виктор Петрович.

— Что?

— Про проект свой.

Сергей вздохнул.

— Ты же вчера уже всё сказал.

— Я вчера сказал мало. Ты бросил трубку.

— Я попросился.

— Бросил. Мужики сейчас так делают: чуть что не по ним — кнопку нажал, и вроде победил. В наше время хочешь бросить разговор — клади трубку на рычаг, чтоб человек хотя бы слышал характер.

— В ваше время вообще много чего было громче.

— Зато понятнее.

Сергей сел напротив. Отец смотрел на него своими серыми глазами. Не злыми. Это было бы легче. У злого человека можно защищаться.

— Проект пока на стадии обсуждения, — сказал Сергей.

— Складская и сервисная инфраструктура для производителей. Вокруг города. Быстрые поставки, комплектующие, сервис. Я рынок знаю. Там реально есть дыра.

— Дыра есть везде. Вопрос, кто туда падает.

— Очень поддерживающе.

— Я не обязан хлопать глазами, когда сын в сорок лет решил влезть в мутную историю.

— Мне тридцать девять.

— Уже смешно округлять вниз.

Сергей сделал глоток кофе. Кофе был плохой. Отец покупал растворимый в банке, на которой был нарисован счастливый бразилец, явно не пробовавший содержимое.

— Ты даже не спросил деталей, — сказал Сергей.

— Спрашиваю. Кто этот человек?

— Денис. Одноклассник.

— Уже плохо.

— Почему?

— Потому что люди из прошлого редко приходят просто так. Обычно либо занять, либо продать, либо доказать, что ты зря жил.

Сергей усмехнулся. Иногда отец попадал так точно, что хотелось заподозрить его в незаконном доступе к голове.

— Он не такой.

— Все не такие, пока деньги не пахнут.

— Пап, у него реальный опыт.

— У Мавроди тоже был опыт.

— Ну началось.

— А что ты хотел? Чтобы я сказал: молодец, сынок, неси семейные деньги человеку, которого ты видел раз в двадцать лет?

— Я не сказал, что понесу.

— Но ты уже принёс это сюда.

— Что?

— Лицо.

Сергей замолчал. Отец взял нож, стал резать упаковку творага. Нож был старый, ручка деревянная, потемневшая, лезвие сточено, но острое. У Виктора Петровича все старые вещи были острыми. Кроме слов. Слова у него были тупыми, но он бил ими с силой.

— Какое лицо?

— Твоё. Когда ты что-то надумал, у тебя лицо становится, как в десятом классе перед олимпиадой. Сначала ходишь волком, потом молчишь, потом делаешь глупость из упрямства, потом обижаешься, что никто не оценил масштаб.

— Приятно знать, что у меня есть стабильность.

— Стабильность — это не всегда комплимент.

Они помолчали. За стеной сосед включил телевизор. Там кто-то бодро рассказывал про скидки на матрасы. Мир умел быть особенно мерзким в моменты, когда хотелось глубины.

— Ты всю жизнь мне говорил, что надо стать человеком,

— сказал Сергей.

Отец поднял глаза. Медленно. Как человек, который услышал не фразу, а старый стук в стене.

— Я такого не говорил.

— Говорил.

— Я говорил: с твоей головой можно было бы человеком стать.

— Спасибо, разница огромная. Прямо легче жить.

— А ты как хотел? Чтобы я тебе песни пел? Ты умный был. Ленивый, злой, с характером. Я тебя подталкивал.

— Ты меня не подталкивал. Ты меня всё время ставил рядом с какой-то версией меня, до которой я не дотягивал.

Отец открыл рот, закрыл. Взял ложку, достал творог, положил в миску. Насыпал сахара. Много. Сказал когда-то, что сахар — белая смерть, но с творогом, видимо, заключил перемирие.

— Все родители так делают, — сказал он наконец.

— Это не оправдание.

— А я не оправдываюсь.

— Конечно. Ты же никогда.

Отец отложил ложку. На кухне стало тесно. Не физически — кухня и так была маленькая, но теперь стены будто подступили. Табурет в углу молчал с видом главного свидетеля.

— Ты думаешь, я хотел тебя унижить? — спросил отец.

— Я думаю, ты хотел, чтобы я стал доказательством, что ты не зря жил.

Фраза вышла сама. Не подготовленная. Не красивая. Сырая. Как камень, который долго лежал в воде, а потом его вытащили, и он оказался холоднее, чем ожидалось.

Отец посмотрел на него. Долго. Сергей уже пожалел. Не потому что неправда. Потому что слишком правда. А правда в семье — штука непрактичная.

— Умный стал, — сказал отец тихо.

— Видимо, всё-таки человеком.

— Не ёрничай.

— А что мне делать?

— Молчать иногда.

— Я молчал лет двадцать.

Отец встал, подошёл к табурету, поднял его, поставил на стол вверх ногами. Ножка, перемотанная изолентой, торчала криво. Виктор Петрович начал откручивать старый шуруп. Руки у него были жилистые, с пятнами, ногти короткие, кожа сухая.

— Ты знаешь, почему я этот табурет не выбрасываю? — спросил он.

— Потому что проще для слабых.

— Потому что его твоя мать покупала.

Сергей молчал. Мать умерла шесть лет назад. Не внезапно, не красиво, не как в кино, где перед смертью говорят главную фразу. Долго болела, худела, злилась, потом стала тихой, и это было страшнее. После неё в отцовской квартире остались вещи, которые он не выбрасывал под разными предлогами. Табурет был одним из них. Сергей этого не знал.

— Она увидела его на рынке, — сказал отец. — Сказала: «Весёлый». Представляешь? Табурет весёлый. Жёлтый был. Потом облез. Ты на нём сидел, когда маленький был. Ногами болтал. Всё спрашивал: «А кем я буду?» Каждый день спрашивал. То космонавтом, то писателем, то директором зоопарка, то человеком, который ест мороженое и ему за это

платят. Мать смеялась. А я... — он покрутил шуруп, тот не поддавался. — А я боялся.

— Чего?

— Что ты станешь никем.

Сергей почувствовал, как внутри что-то сжалось. Не от обиды даже. От усталости. Вот он, корень. Не глубокий, не мистический. Обычная отцовская фраза на кухне с творогом и старым табуретом.

— Спасибо, пап.

— Не так. Не в смысле бомжом под забором. А... — Виктор Петрович вздохнул. — Ты был живой. Острый. Всё замечал. У тебя мир в глазах не помещался. Я смотрел и думал: если не направить, размажет. А направлять я умел только как на заводе. Молотком. Линейкой. Планом.

— И фразой «можно было бы человеком стать».

— Да.

— Получилось отлично.

— Не язви, Серёг.

— А ты не делай вид, что это была педагогика.

Отец ударил отвёрткой по шурупу. Тот сдвинулся.

— Я не умел по-другому.

— Это тоже не оправдание.

— А я опять не оправдываюсь.

— Тогда что?

Отец сел. Табурет между ними лежал вверх ногами, какдохлое животное, которое ещё надеялись оживить.

— Я сам всю жизнь думал, что не стал, кем мог, — сказал он. — Понимаешь? На заводе был не дурак. Мог уйти, мог учиться дальше, мог в Москву, мог... — он махнул рукой. — Все могли. Все потом сидят и рассказывают, что могли. Это любимый спорт старых мужиков. Мог. Почти. Если бы. А потом рождается сын, и ты думаешь: вот он точно. Он не просидит. Не проморгает. Не испугается. Он дойдёт. А он просто живёт. И ты злишься на него за то, что сам когда-то не пошёл.

Сергей смотрел на отца и не знал, что делать с этим признанием. Оно было не красивым. Не исцеляющим. Не таким, после которого хочется обняться, заплакать, выйти другим человеком. Скорее наоборот: оно было кривое, неудобное, как отремонтированный табурет. На нём ещё нельзя сидеть, но уже понятно, почему его не выбросили.

— И что мне теперь с этим делать? — спросил Сергей.

— А я знаю?

— Пап.

— Что пап? Я тебе что, методичку должен выдать? Я сам только к шестидесяти шести понял, что половину жизни пинал тебя не потому, что ты плохой, а потому что мне страшно было смотреть на себя. Поздно понял, да. У нас в семье вообще все умные задним числом.

Сергей усмехнулся. Отец тоже. Маленькая трещина в воздухе стала шире, но через неё хотя бы пошёл кислород.

— Так что с проектом? — спросил Виктор Петрович.

— Ты опять?

— Конечно. Сентиментальность сентиментальностью, а деньги деньгами.

— Пока не знаю.

— Вот это уже похоже на правду.

— Мне интересно.

— Интересно — хорошо.

— Мне страшно.

— Страшно — нормально.

— Мне стыдно, что я до сих пор не сделал ничего своего.

Отец посмотрел на него. Не резко. Усталость у него вдруг стала человеческой, не командирской.

— А семья твоя — это не своё?

Сергей открыл рот, но не ответил.

— Дочь твоя — не своё? Дом, который ты тащишь, как умеешь, — не своё? Жена, которая ещё с тобой разговаривает, хотя ты характером в меня пошёл, бедная женщина, — не своё?

— Это другое.

— Вот из-за этого «другое» мужики и дурят. Им всё кажется, что настоящее — где-то на вывеске, в кабинете, в машине, в чужом уважении. А то, что дома ребёнок ждёт, жена терпит, старый отец творог просит, — это так, фон. Мелочь. Быт. А потом фон уходит, и мужик стоит с главным достижением в руках, а показать некому. Разве что зеркалу. А зеркало, Серёг, такая сволочь, ему не соврёшь.

Сергей отвернулся к окну. На стекле стоял старый горшок с алоэ. Растение было толстое, кривое, колючее, бессмертное. Мать когда-то называла его «наш доктор». Отец называл «лопухом». После смерти матери алоэ разрослось так, будто решило компенсировать отсутствие хозяйки наглостью.

— Ты сейчас говоришь как мудрый человек, — сказал Сергей. — Непривычно.

— Не привыкай. Я долго не выдержу.

— Я заметил.

— Проект смотри. Но не суй туда деньги, которые держат дом, пока не поймёшь, что именно делаешь. И главное — не делай это, чтобы кому-то доказать.

— А если я не понимаю, доказываю или хочу?

— Тогда не торопись.

— Денис говорит, что ждать опасно.

Отец хмыкнул.

— Денису ждать опасно, потому что ты можешь подумать.

Сергей улыбнулся. Хорошо сказал старик. Заразительно точно.

— Может быть.

— Не может быть, а точно. Люди, которые торопят с деньгами, редко переживают за твою судьбу.

— Это не совсем так.

— Всё «не совсем так» потом в суде дорого стоит.

Они допили чай и плохой кофе. Отец всё-таки заставил Сергея держать табурет, пока сам закручивал новую ножку.

Сергей держал, отец ворчал, что держит криво, Сергей говорил, что табурет сам кривой, отец отвечал, что плохому работнику всё табурет виноват. Сцена была настолько привычная, что почти стала нежной. Почти.

Когда табурет поставили на пол, отец сел на него осторожно. Табурет скрипнул, но выдержал.

— Видишь, — сказал Виктор Петрович. — Ещё послужит.

— Пока кто-нибудь не решит стать человеком и не сядет резко.

— Садиться тоже надо с умом.

Сергей засмеялся. Отец улыбнулся. Не широко. Улыбка у него была как старый замок — открывалась тяжело, со скрипом, но всё-таки открывалась.

Перед уходом отец сунул ему в пакет банку солёных огурцов.

— Тане передай. Нормальные получились.

— Ты же говорил, что у неё свои лучше.

— Я много чего говорю.

Сергей посмотрел на него.

— Это у нас семейное.

Отец кивнул. Потом вдруг сказал:

— И Машке скажи, что акула с давлением права. Пусть учится на кого хочет. Хоть на акульего инженера.

— У акул руки короткие.

— Значит, будет начальником.

Уже в дверях Сергей остановился.

— Пап.

— Ну?

— Ты правда думал, что я дальше всех пойду?

Отец долго молчал. Не потому что не знал ответа. Потому что, видимо, впервые пытался не ударить им.

— Я думал, ты будешь живее меня, — сказал он. — Это важнее, чем дальше.

Сергей вышел из подъезда с пакетом огурцов, пустым пакетом из-под лекарств и чувством, что ему дали не ответ, а ещё одну задачу. Во дворе бабки на лавочке проводили его взглядом. Одна сказала другой что-то тихо. Наверное, про куртку, машину или банку. Сергей сел в автомобиль, положил огурцы на пассажирское сиденье. Рядом с ними не было чёрной папки, но он всё равно видел её. В голове. В нижнем ящике. В своей новой строке «Я».

Телефон завибрировал.

Денис: «Ну что, Лис? Есть мысли?»

Сергей посмотрел на сообщение. Потом на банку огурцов. Потом на подъезд, где в старой кухне отец сидел на починенном табурете и ел творог с сахаром, хотя называл сахар белой смертью.

Он набрал: «Есть. Нужно больше времени».

Палец завис над отправкой. Внутри сразу поднялся страх: сейчас Денис решит, что он слабый, медленный, семейный, осторожный, обычный. Сейчас шанс уйдёт. Сейчас дверь за-

кроется. Сейчас он снова останется с кроссовками, творогом, отчётами и табуретами.

Сергей отправил.

Ответ пришёл почти сразу.

«Время есть только у тех, кто не нужен. Но думай».

Сергей перечитал. Усмехнулся. Хорошая фраза. Ядовитая. Почти красивая. Раньше она бы сразу вошла в кровь. Сейчас тоже вошла, но наткнулась там на отцовское: «Денису ждать опасно, потому что ты можешь подумать».

Он завёл машину. Двор был старый, тесный, с ямами, кривыми деревьями и бабками у подъезда. Никакого большого выхода. Никакой новой жизни. Просто воскресенье, лекарства, огурцы, отец, который впервые сказал не совсем как молоток.

Сергей поехал домой и впервые за эти два дня не стал включать навигатор.

Глава 6. Понедельник обычного человека

Понедельник начался с того, что Сергей проспал. Не героически, не на три часа, не как человек, которому судьба ставит подножку с оркестром, а мерзко, буднично, на сорок две минуты. Именно такие опоздания унижают сильнее всего. В них нет трагедии.

Он вскочил, ударился коленом о край кровати, прошипел сквозь зубы, на секунду увидел белую вспышку и сразу вспомнил всё: Денис, папка, отец, табурет, Таня, деньги с именами, сообщение «время есть только у тех, кто не нужен». Фраза за ночь не растворилась. Она стала плотнее. Села внутри, как заноза под ногтем. Время есть только у тех, кто не нужен. Денис умел бросать слова так, что они потом работали без него.

Таня сидела на кухне. Маша ела хлопья и читала что-то на телефоне с видом директора по мелким катастрофам. На столе стояла чашка Сергея. Та самая зелёная, керамическая. Ему оставили чай, но он проспал даже тепло.

— Доброе утро, — сказала Таня.

— Угу.

— Будешь чай греть?

— Некогда.

— Конечно.

Маша подняла глаза.

— Пап, ты опять встал не встать?

— Что?

— Ну у тебя будильник назывался «Встать». А ты не встал. Значит, надо назвать «Встать, пожалуйста». Может, поможет.

— Спасибо, консультант.

— Можно ещё «Встань, а то акула разочаруется».

— Это уже давление.

— Давление у дедушки.

Таня фыркнула в чашку. Сергей хотел улыбнуться, но уже смотрел на часы. В голове вместо утра был список: душ три минуты, рубашка любая, отчёт, планёрка, звонок Борисычу по насосам, письмо в закупки, таблица по дебиторке, и где-то за всем этим — папка. Чёрная, нижний ящик, строка «Я», карты промзон, дыры в сервисе, чужой голос: думай, если тебе надо время. Вчера он отправил Денису, что нужно больше времени. Сегодня это уже казалось трусостью. Утром оно часто пахнет слабостью.

— Я сегодня задержусь, — сказал он, хотя ещё не знал, задержится ли.

Таня подняла глаза.

— На работе?

— Да.

— Или рядом с работой?

— Тань.

— Просто уточняю географию.

— На работе. У нас отчёты.

— У вас всегда отчёты, когда дома надо разговаривать.

Он промолчал. Не потому что согласился. Потому что опаздывал. Иногда молчание выглядит зрелостью, а на самом деле это человек не успел подготовить плохой ответ.

В машине он ел банан, который Таня сунула ему в руку у двери со словами «возьми, а то потом будешь злой». Банан был мягкий, с коричневой точкой, и Сергей ел его за рулём, чувствуя себя не мужчиной на пороге нового дела, а школьником, которого мать отправила на олимпиаду с пакетом еды. У светофора он открыл голосовые от Дениса, которые пришли ночью. Не включил. Просто посмотрел на них. Три сообщения. Первое — семь секунд. Второе — двадцать четыре. Третье — минута двенадцать. Денис не писал длинно, он говорил. Это тоже было показательно.

Сергей включил первое сообщение.

— Лис, я не давяю. Просто фиксирую: окна возможностей закрываются быстрее, чем нам кажется.

Второе.

— Я посмотрел твои пометки. По сервисной зоне ты прав. Сорок километров — минимум. Вот это мне и нужно. Ты видишь не презентацию, а кишки. Это редкость.

Третье он не стал включать до конца. Потому что уже хватило. «Ты прав» попало приятнее, чем хотелось признавать.

Взрослый мужик может сделать вид, что не нуждается в похвале, но попробуй сказать ему точную похвалу в место, где он сам себя давно похоронил, и он пойдёт за тобой, как за запахом хлеба. Сергей выключил телефон и въехал на парковку у офиса.

Компания «Техноснаб» занимала два этажа в бизнес-центре, который в рекламе назывался «современное пространство для роста», а в реальности был бетонной коробкой с кофе-автоматом, плохой вентиляцией и лифтами, где люди утром смотрели в свои телефоны так сосредоточенно, будто там у каждого был личный маленький алтарь. Сергей прошёл через турникет, кивнул охраннику, поднялся на шестой. В лифте рядом стояла девушка из бухгалтерии с пакетом из пекарни. Пахло булкой с корицей.

В отделе продаж было шумно. Понедельник всегда приходил сюда не днём недели, а запахом: кофе, принтер, дешёвый пластик от папок, чужие духи, лёгкая паника и растворимый оптимизм начальства. Менеджеры рассаживались по местам, включали компьютеры, ругались на почту, смеялись слишком громко, потому что до планёрки ещё можно было сделать вид, что ты свободный человек. На стене висела доска с планом продаж. Красные, зелёные, жёлтые маркеры. Фамилии. Цифры. Проценты.

— О, шеф пришёл, — сказал Игорь, не поднимая головы от ноутбука. — Мы уже думали, тебя рынок поглотил.

Игорю было тридцать два, но иногда Сергею казалось, что

ему семнадцать с доступом к CRM. Худой, быстрый, в худи под пиджаком, волосы всегда чуть влажные, будто он или только что из душа, или из будущего, где люди больше не сохнут полностью. Он пил энергетики ужасных цветов и записывал всё в заметки: задачи, фразы клиентов, чужие оговорки, собственные идеи, даже оскорбления. Однажды Сергей увидел у него в телефоне заметку «Лисицын сказал: “не умничай при клиенте” — подумать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.